

ТЕРЕЗА ТУР

Фея Чистоты

Тереза Тур

Фея чистоты

Серия «Магические миры Терезы Тур»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70095337
Фея чистоты / Тереза Тур: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-192965-7*

Аннотация

Всегда хотела побывать в Лондоне. Но никогда не думала, что окажусь там, свалившись со стремянки, куда забралась, чтобы повесить шторы. Не просто в Лондоне, а в одном из его отражений. И понеслось. Я – горничная, хотя уборку ненавижу всем сердцем. Рядом со мной самая настоящая фея, за которой охотится Джек Потрошитель. И даже этих двоих можно пережить, если бы не хозяин поместья, где я служу. Человеко-джентльмен. Он загадочен и хорош собой. И страшно меня бесит. И как выпутаться из всего этого?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	64
Глава 6	78
Глава 7	89
Глава 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Тереза Тур

Фея чистоты

© Тур Т., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

– Да будет так! – торжественно провозгласил судья, стукнув молоточком.

Звук растворился в воздухе. Черная мантия, парик буклями, красные лоснящиеся от пота щеки, маленькие пороссячи глазки смотрят пристально, словно ждут чего-то...

То есть я, конечно, знаю, чего они ждут. Ждут, что я сорвусь. Прямо во время суда возьму и выкину что-нибудь этакое.

Глубоко вздохнула, встала и поклонилась.

– Да будет так.

Я смогла изобразить смирение только потому, что знала: судью подобное поведение точно выведет из себя.

Гад! Мерзкий... свин!

Хочет объявить невменяемой, чтобы оформить опекунов, на которое в случае попадания на территорию Ганглии, кроме специальных служб, имеют право мэр и главный судья. Меня хорошо просветили, какая участь ждет молодых женщин при таком раскладе.

Настоящее... Средневековье! Инквизиция! Ну, почти... Я с ненавистью окинула взглядом деревянную клетку.

– Ба-ам! – еще один удар молоточком.

– Решение принято и обжалованию не подлежит! Заседание окончено!

И тут...

Потрепанный, не очень свежий парик главного судьи... хрюкнул?

– Хр-р... Хр-р... У-и-и!

Представители прессы замерли от восторга. Руки судьи медленно стали подниматься. Лорд притих, словно охотник: парик надо было схватить быстро, пока он...

– Хрюк!

Нечто ярко-розовое соскочило с головы лорда и помчалось прямо по спинам нырнувших под черную ткань фотографов!

– Щелк!

– Фух!

– Пах!

– Прошу вас, прокомментируйте происходящее!

– Ваш парик. Он ожил?!

– Это колдовство?

– Вы утверждали, что скользящая по отражениям, попавшая к нам из другого мира Энн Файер не обладает магией. Вы признаете, что ошиблись?

– Не удовлетворяю! Запрещаю! Не имеете права! Суд выражает протест! – визжал лысый лорд, с ужасом наблюдая, как по столам и лавкам скачет живой розовый поросенок, а журналисты сходят с ума.

Я опустила голову. Терпеть! Сейчас главное – не рассмеяться, иначе судья рассвирепеет, отменит решение, и тогда

уж мне точно конец!

– Крак!

Деревянная клетка рухнула, а мне на руки прыгнула розовая кудлатая хрюшка.

– Привет! – шепнула я и спрятала крошку в складках платья.

Дрожащими руками судья Говард вытирал сияющую от пота лысину, от которой шел едва заметный парок. Умаялся бедолага, меня, непутевую, обвиняя.

Вспышки слепили со всех сторон. Камеры журналистов были тяжелые, с гофрой, штативами и черной тканью, под которую они чуть что ныряли с нечеловеческой быстротой.

– Во-о-о-он! Все вон из здания суда! Заседание окончено! – кричал лорд Говард.

Бедняга уже видел себя на первых страницах газет, пестрящих громкими заголовками: «Парик-убийца – проклятье фей?», «Колдовство в здании Высшего суда!», «Что случилось с лордом Говардом, или Дело о хрюкающем парике!»...

На господина Хатроу, адвоката, выписанного городом, чтобы помочь мне, несчастной, было больно смотреть. Мы успели подружиться. Молодому человеку не везло: едва начал практику, и уже три проигранных подряд дела. Неудивительно. Уилл Хатроу – порядочный, честный человек. Таким не просто в Дан-Лане, колыбели лжи и коррупции.

– Пойдемте, – вздохнул Уилл. – Вам необходимо получить документы. Удостоверение личности. Лучше подождать в

коридоре.

Я кивнула, подобрала юбку, к удивлению обнаружив, что поросенок исчез. Жаль. Он был такой потешный!

Мы вышли из зала суда в сопровождении констебля. Настоящего! В черном мундире с сияющими пуговицами и шлеме, похожем на яйцо. Как тут не вспомнить Шерлока Холмса?

– Спасибо, – улыбнулась я великану с непроницаемым лицом (вот она – старая добрая Англия!).

– Простите. Простите, что так вышло, Энн, – не унимался Хатроу.

– О чем вы? Мы избежали опекунов – разве не чудесно?

– Вы, Энн... Это сделали вы! Вы доказали, что у вас есть магия, превратив парик судьи в поросенка.

– Глупости! О чем вы, Уилл? У меня нет никакой магии!

– Вы спасли себя и меня заодно. А я... Я никчемный. Совершенно бесполезный чурбан.

Парик Уилла был красивого шоколадного цвета, длинный, до самых плеч. Под ним рыжеватые волосы, стянутые в хвост. Хатроу был очень симпатичным: его чуть вытянутое лицо чем-то напоминало Николаса Кейджа. Глаза карие, грустные. Сейчас, правда, он напоминал не столько всеми любимого актера, сколько спаниеля, которого не взяли на прогулку. С другой стороны, Кейдж тоже часто мне его напоминает (в смысле, спаниеля).

– Перестаньте убиваться и возьмите себя в руки, Хатроу!

Меня же не грохнуть приказали, в конце-то концов!

– Как можно, Энн, да хранят феи королеву! Зачем вас ронять? Вы и так с лестницы упали – нога еще не зажила, прихрамываете.

Что правда, то правда. Полет со стремянки даром не прошел. Я, правда, не это имела в виду, но... Промолчу, пожалуйста. На бедняге и так лица нет!

Мир, куда я попала, был одним из отражений Лондона. Почему не Москвы, где я, собственно, и свалилась со стремянки, – этот вопрос до сих пор остается неразрешимой загадкой, а ведь я здесь уж без малого как месяца три. Наверное, потому, что попасть в Лондон было давней мечтой. Темза. Викторианская Англия, кебы, туманы, Джек Потрошитель – романтика!

Тех, кто проникал сюда, именовали «скользящими». Как именно человек вдруг попадает в Зазеркалье, этого никто, по мнению Уилла, не знал, но кое-что о последователях Люиса Кэрролла жители Дан-Лана все же выяснили опытным путем, а именно: отражения наделяли «попаданцев» магией. Непредсказуемой и неконтролируемой, но в большинстве случаев, как это ни странно, безопасной. Жаль, что не в моем случае. Интересно, каково это – обладать настоящей магией?

Во всех отражениях (наш мир, между прочим, не исключение – так здесь считают) водятся феи. Да-да, именно «водятся». Фей боятся. Они обладают очень сильной магией, из-за чего жители королевства вечно у них в долгу.

Подданные Ганглии в большинстве своем слепо следовали букве закона, и это при том, что судебный порядок был более чем жесток. Один прокурор чего стоит! Если судья, лорд Говард, был похож на свинью, то тот – на шакала. Оба обладали властью.

По решению суда меня отправят подальше от подобных «бюстителей порядка» – и на том спасибо. Жаль, придется расстаться с Уиллом. Прокурор просил для меня полной изоляции (сволочь!), судья же был другого мнения. Непрозрачно намекнул, что с таким феноменом, как я, ему необходимо познакомиться поближе и погоризонтальнее.

Гад! Мерзкий свин, не в обиду ожившему парикю будет сказано.

– «Год под надзором», – прочитала я, получив наконец все необходимые документы. – «В качестве...» Что?! Горничной? – Я не выдержала – рассмеялась.

Уилл, видимо, решил, что это у меня нервное. Отчасти он был прав: сказывалось напряжение последних дней, но... горничная?

– Ха-ха-ха-ха... Ой, не могу... Ох-х... И... И что ж я делать-то теперь буду, а?

– Вас это угнетает?

– Угнетает? Именно. Именно угнетает, Уилл... Господи! За что?! Ну что я тебе такого сделала, а?

Я подняла лицо в свинцовое небо Дан-Лана, всей грудью вдохнув свежего воздуха: мы вышли наконец из душного

здания! Вот только со свежестью были, как бы это помягче сказать, проблемы. Откуда так воняет? От Темзы, что ли?

Слова в отражениях менялись, но выборочно. Англия превратилась в Ганглию, Лондон – в Дан-Лан, а Темза осталась Темзой. Почему? Не знаю. Кто их разберет, эти отражения?

– Вы же... женщина, – прервал молодой человек мои размышления. – Какие у вас могут быть проблемы с тем, чтобы помыть да почистить? К тому же вы, насколько я помню, работали в этой сфере?

– Да, – кивнула я, сжав сумочку затянутыми в перчатки руками. – Работала.

Я не стала ничего объяснять. К чему? Долгая история, и вообще это личное! Так что если...

– Госпожа?

Я вздрогнула, обернулась, едва не налетев на мундир с сияющими пуговицами. Опять этот. С яйцом на голове. Ну что еще? Оставят меня наконец в покое, а?

– Пойдемте со мной, госпожа. Браслет.

Итак, на мне теперь тонкая, даже, можно сказать, изящная цепочка – артефакт, контролирующий передвижения и эмоциональный фон. Последнее меня расстраивало больше всего: это ж никакой личной жизни! Хотя откуда она здесь возьмется? Разве что хозяин на горничную позарится.

Так. Все! Хватит концентрироваться на грустных мыслях. Или не грустных? Я старалась отвлечь себя, только бы не на-

делать глупостей, потому как цепочку эту я ненавидела! Металл жег кожу при малейшем нарушении, приходилось быть осторожной.

– Держитесь, Энн. – Уилл посмотрел мне в глаза. – Всего год.

Отбившись от журналистов и распрощавшись со вздыхающим, поминутно извиняющимся неизвестно за что адвокатом, я отправилась гулять по Дан-Лану, типа «Ландану», если вспомнить уроки английского. До того как я уеду в поместье к неведомому лорду Харди, жизнь у которого приравнивали к наказанию, надо же нагуляться по городу?

«Лондон», – усмехнулась я. Город мечты. Здесь, правда, не было красных двухэтажных омнибусов, Букингемского дворца и гвардейцев в медвежьих метровых шапках, но... Но была Темза и вид на Биг-Бен – почти такие же, как в теленовостях. Интересно, под каждой цифрой огромного, семиметрового циферблата написано: «Боже, храни королеву Викторию»? Вряд ли. Королева здесь Витта Мудрая – я о ней не раз слышала.

Мимо спешили по своим делам мрачновато одетые люди (все же неистребим дух викторианской Англии!) в сером, зеленом, лиловом и черном. На их фоне двухэтажные кебы ярко-красного цвета выглядели нарядно и смешно. Представьте себе: половину автобуса тащат лошади! Словно склеили две открытки – прошлое и будущее.

Преломление отражений – странная штука. Все смеша-

лось! Фотографы со вспышками (вот-вот вылетит птичка), старинные телефонные аппараты, турнюры, шляпки, перчатки с одной стороны, с другой – шариковые ручки, маркеры и карандаши, удовлетворяющие взыскательного потребителя дня сегодняшнего в моем собственном мире!

Ни холеры, ни сифилиса, мышьяк ради бледности лица никто не втирает, что радовало.

Итак, я шла по мрачно одетой, не очень чистой Ганглии, радуясь, что не встречаю похоронные процессии на каждом углу. Сумка казалась тяжелее обычного. Так бывает, когда на сердце кошки скребут. Не хочется уезжать. Я ведь только привыкла! И Уилл рядом. А там? Там я никого не знаю.

На самом деле меня волновало, конечно, не это. Будущая роль горничной – вот что мучило по-настоящему. Дело в том, что «фея чистоты» из меня не...

Феи! Ну конечно же, феи! Совсем про них забыла. Феи дополняли пейзаж Лондонского зазеркалья удивительно – даже пол-автобуса-кеба не шли с ними ни в какое сравнение. В ярких искрящихся платьях, с огромными чутко подрагивающими крыльями за спиной, они редко, но все же встречались в толпе. И знаете, что самое удивительное? Никто не обращал на них никакого внимания...

Нравилось мне здесь или нет, однозначно сказать трудно. Кроме фей и весьма обеспеченных граждан, которые могли себе позволить одеться получше (цветные ткани в Дан-Лане стоили баснословно дорого), все черно-серое. Город хо-

телось отмыть (вот уж не думала, что у меня когда-нибудь появятся подобные мысли). Сыро. Туман висит над Темзой в любую погоду. Близко к реке подходить не хотелось, и не мне одной. Если понаблюдать – никто из жителей Дан-Лана этого не делал.

От воды шел... страх. Хотя я, наверное, придумываю. Устала после суда. Надо бы зайти куда-нибудь кофе выпить, булочку съесть.

В крошечном кафе было тепло, уютно и вкусно пахло выпечкой. В такие моменты еще сильнее хотелось остаться. А что? Устроилась бы помощницей адвоката в компанию, где работал Уилл, почему нет? У них тут такие красивые карандаши! Длинные, черные, острые, как кинжалы, с мягким ластиком на конце, стирающим чисто, без разводов. Может, сами феи делают их, из собственных палочек?

Мысль развеселила. Я и не заметила, как дошла до дома, где снимала крошечную комнатку под самой крышей. Компания отца Уилла, взяв под крыло, ссудила небольшую сумму – теперь буду возвращать с зарплаты горничной. Денег как раз хватило на одежду, еду и вот эту комнатку.

Часть денег я уже отдала: выучилась печатать на допотопной, тугой машинке, что не шла ни в какое сравнение с теми же карандашами! Проклятые отражения. То ли дело мягкая клавиатура любимого ноута или компа на работе. Печатать я любила, и, как выяснилось, подобные навыки в Дан-Лане ценились высоко. Я даже пыталась изобрести замаску (что-

бы из-за одной буквы не перепечатывать весь лист), но пока, увы, безуспешно: краска осыпалась.

И все же я не сдавалась, помня американскую историю о домохозяйке, ставшей миллионершей. Домохозяйка из меня никудышная, что правда, то правда, но я была одним из ведущих топ-менеджеров крупной клининговой компании! Отвечала за поставки, работу с клиентами. Если бы замазка удалась, уж я сумела бы наладить бизнес! Однако подобные мечты придется отложить до лучших времен. Вот получу документы, стану подданной королевы Витты Мудрой без поражения в правах, а там посмотрим. Может, уговорю какую-нибудь фею помочь придать замазке эластичности, чтобы...

– Хрюк!

Я уже поднималась по узкой темной лестнице, когда мне показалось, что... Да нет. Быть не может!

Итак, о чем это я? Ах да. В общем, все идет по плану. Жива, почти устроена. Еще немного – и раздам долги. Все как у людей – не важно, в каком из миров. Но горничной-то почему?

На горестный вздох сумка вновь ответила сочувственным хрюком!

Значит, не показалось?

Я подпрыгнула, с трудом подавив вскрик: на шум тут же явится мадам Кларсон! Карлсончик, чтоб ее... Мерзкая любопытная старуха везде совала свой нос и стучала всем, от

журналистов до констебля!

Не знаю, приплачивали ей или она так, из любви к искусству, но, как только я это поняла, тут же стала приличной, воспитанной барышней. Из безудержного кутежа и вредных привычек – одно пирожное в неделю и прогулки по городу.

– Хрю, – снова отозвалась сумка.

Я протянула к застежке дрожащие руки и...

– Ты?!

– Я, кто ж еще?

Это был он! Поросенок – оживший парик.

– Ты... Что? Что ты такое?

– Я откуда знаю? Сама наколдовала, – огрызнулись со дна сумочки.

– Я думала, ты... исчезло.

– Верно подмечено... С такими-то ушами я – оно! О чем только думала, ведьма проклятая?

– Что? – Еще не хватало, чтобы этот... кудлатый хрюк мне замечания делал! – Я – ведьма? Да у меня нет никакой магии! Нет – ясно?

Минипиг (а это был точно он, только вместо ушек – растрепанные букли парика) выскочил из сумки. Существо это было настолько потешное, что я, как ни злилась, не могла удержаться от смеха.

Дверь за спиной скрипнула.

– С кем это вы, милочка, разговариваете? – Крысинный вздернутый нос пролез в щелку.

– Здесь никого нет, – я отвечала спокойно, уверенно, краем глаза следя за тем, как поросенок скрылся за шторой (а я еще расстраивалась, что занавески в комнате грязно-розового цвета!). – Я не разговаривала, мадам Кларсон. Мне не с кем. С вами все в порядке?

– А! – Квартирная хозяйка, ворвавшись в комнату, рванула дверцу шкафа. Та, жалобно скрипнув, повисла на одной петле.

Это она зря: рухлядь моей комнаты требовала к себе трепетного обращения. В шкафу ожидаемо никого не оказалось.

– Где? – посмотрела на меня хозяйка.

– Понятия не имею, – я пожала плечами. – Может, под кроватью?

Кларсон, ухмыльнувшись, полезла под кровать.

– Окно? – с надеждой пробормотала старуха, чихнув от пыли.

– По-вашему, мой гость – фей? Что ж, это идея. Любовник, пока вы пытаетесь обвинить меня в непристойном поведении, преспокойно порхает поодаль. Вот вы уйдете, я распахну окно и...

Мадам Кларсон меня не слушала, она уже летела к окну! Сердце замерло. Там, за шторой...

Старуха распахнула форточку, ветер поднял грязно-розовый парус, и... под ноги моей мучительнице выкатился судейский парик!

– Ага!

– Приобрела по очень, очень выгодной цене! Мне кажется, в нем я выгляжу моложе.

– Безвкусица! – заявила мадам Кларсон, пнув парик ногой. – Но что-то же было?

– Вам показалось – только и всего.

Слышать голоса – плохо даже в мире отражений. Все, что выбивалось из нормы, строго каралось законом. Видимо, жителям магических миров попросту ничего другого не оставалось: попробуй соблюдать порядок, когда по улицам разгуливают самые настоящие феи, а из сумок выскакивают поросята!

– Я пойду, – прошептала обескураженная хозяйка.

– Спокойной ночи, мадам Кларсон.

Как только дверь в каморку закрылась, парик тут же обернулся знакомым свинтусом. Я поднесла палец к губам, намекая, что разговаривать нельзя: Кларсон будет стоять под дверью еще долго.

– Голодный? – написала я на бумаге мягким карандашом.

Поросенок качнул головой – от растрепанной букли отделился волос и медленно поплыл к моему лицу. Тихий щелчок – и в воздухе заискрились слова:

– Ем магию.

– Лоточек?

Обиженный взгляд.

– Не надо? – упорствовала я.

– НЕТ! – взорвался в комнате настоящий фейерверк.

– Ладно, прости. Как тебя зовут?

Сразу несколько волосков заплясали в воздухе.

– Бенджамин Ульрих Клементий Лаврентий Ясновидящий.

* * *

На вокзал мы прибыли заранее: показаться представителю суда, к которому меня первым делом потащил Уилл. Мы раскланялись. Господин в сером сюртуке со скучающим лицом проверил браслет, вручил билет, кивнул и удалился, будто его и не было.

Я вздохнула с облегчением. Посмотрела, на месте ли чемодан. Незаметно сунула руку в саквояж: погладить Буклю. Мы с поросенком пререкались до утра. Пришлось соврать, что в моем мире «аббревиатурой» именуют только очень, очень знатных и важных особ. На самом деле я почти не лукавила – судите сами: РФ, МК, РАН, я уже не говорю про Газпром...

Так «Бенджамин Ульрих Клементий Лаврентий Ясновидящий» превратился в «Буклю».

Букля – фамильяр. Если верить розовому чуду (а я бы не стала этого делать), он – из старинного рода Ясновидящих помощников ведьм и колдуний. Поживем – увидим. Сомневаюсь, что я – ведьма, но Букля был абсолютно уверен в том, что ведьмой (колдуньей) считается та, что обладает магией,

если она, конечно, не фея. И если рассматривать сложившуюся ситуацию с этой точки зрения, то...

– Вот она!

– Энн, какие ощущения после суда?

– Проявление магии, которое мы все видели, – ваша реакция на явную несправедливость?

– Вы знаете, где сейчас парик лорда Говарда?

– Парик хрюкал, вы это подтверждаете?

– Возможно, вы лишь заставили присутствующих в это поверить?

Вспышки слепили со всех сторон. Я выдернула руку прикрыть глаза. На пальце повис белый локон, а на дне саквояжа недовольно хрюкнули. К счастью, журналисты так шумели, что этого никто не заметил.

Репортеры мне нравились (что не помешало, однако, подвинуть чемодан к себе поближе). Они были яркими, шумными! Не то что вся эта серая, безлика, до тошноты законопослушная толпа с приличными манерами. А еще они говорили и писали то, что думали (и выдумывали, конечно, тоже). Им это дозволялось, как в старину шуту дозволялось говорить правду королю.

За последний месяц интерес ко мне поутих, но вчерашнее заседание...

– Дайте пройти! Без комментариев! – Уилл схватил меня за руку и решительно потащил к вагону, разгоняя толпу.

– Энн Файер, пару слов о возможностях вашей магии!

– Она поможет выжить в логове чудовища?

– Никто не вернулся от лорда Харди, вам это известно?

Я замерла. Чудовище? Никто не вернулся? В смысле... живым? О чем это они?

– Вы что, не знаете, к кому вас отправили? – взвизгнул от восторга молодой, усыпанный веснушками фотограф, правильно расценив мою мимику.

Что я там говорила о симпатии к местным репортерам, шутах и королях? Забудьте.

– Энди! – раздался крик Уилла над моей головой. – Помоги!

Сразу после этого что-то вспыхнуло, заискрилось, и мы побежали сквозь сиренево-розовый дым, на несколько секунд заполнивший перрон. В последний момент вспомнила про чемодан. Уилл даже не подумал помочь... На него не похоже. Расстроился, наверное. Ладно, не буду ничего говорить. Уже в вагоне, едва дыша, без сил опустившись в мягкое кресло, я спросила:

– Что... Что это было?

– Дымовая шутиха, – рассмеялся адвокат. – Один из фотографов, Энди, мой друг. Мы часто так делаем в безвыходных ситуациях.

– Это тот, в веснушках?

– Именно. Мы с ним... Два неудачника. Я проигрываю дела. Ему тоже не везет: газеты редко берут снимки, хотя фотограф он отличный! И теперь мы оба перед вами в неоплат-

ном долгу!

– Это еще почему? – я просто опешила.

– Уже утром ко мне стали записываться клиенты. Я теперь знаменитость! Энди повезло еще больше: он единственный, кому удалось сделать снимки ожившего парика судьи, у всех остальных пленка оказалась засвеченной. Газеты Дан-Лана воюют не на жизнь, а на смерть за возможность сотрудничать с ним! Энди наконец сможет расплатиться с долгами, а ведь ему грозила тюрьма, так же как мне – разорение и потеря практики. Вы приносите счастье, Энн Файер!

– Боюсь, вы преувеличиваете, Хатроу.

– Провожающие, покиньте вагон! Ехать пять часов. – Проводник в серой форме отчаянно звонил в колокольчик. – Покидаем вагон, провожающие! Обед через полтора часа, удобства в конце вагона!

Глава 2

Тремя месяцами ранее

– Аня, пойми. Ты одна из лучших сотрудников!

– Тогда почему?

– Да потому что, А-ня! Ну ты же сама понимаешь, что происходит сейчас. Мы не можем заменить европейские средства: отечественные не вытягивают по качеству! Рано или поздно мы с этим справимся, но сейчас надо потерпеть. Вре-мен-но! Мы не можем поднять цены: не удержим клиентскую базу. Тем более в связи с кризисом наши старые клиенты только и делают, что выпрашивают скидки. У меня каждый день переговоры! Выслушиваю жалобы и – да, иду на уступки, иначе мы просто потеряем «Фею». – Директор изо всех сил дернул узел галстука. – Съезди куда-нибудь, – продолжил он уже мягче, – отдохни.

– Не могу. Ипотека, – огрызнулась, понимая, что шеф прав и ничего не изменить.

– Выплачивать премии, как раньше, просто не могу! Ты заслуживаешь, как никто, да я и выплатил тебе больше всех!

Я кивнула. Премии, которая «больше, чем у всех», едва хватит раздать долги. И дело не в том, что отчаянно на море хочется (хотя хочется, конечно). А в том, что приезжает тетя.

– Я понимаю, Андрей Яковлевич. Понимаю. Я пойду?

– Иди, Анечка. Иди. Отдохни хорошенько!

Так я ушла в отпуск. Вынужденный. С печалью в сердце и синяками под глазами. Рабочий день с девяти до девяти, увы, не красит. Зато квартира. В Москве. Детям останется! Когда-то же они у меня будут.

Дети.

Мама умерла два года назад. С тех пор это началось. То есть оно было и раньше – мучило, вызывало чувство стыда и приносило массу мелких проблем. Что именно? Моя... проблема. Особенность характера. Яблоко раздора с мамой, а именно то, что я с самого раннего детства ненавижу уборку!

В недрах моей захламленной квартиры бесследно пропадали документы. Я два раза восстанавливала медицинский полис, три – паспорт и один раз лишилась премии, потеряв подписанный контракт «Феи» с очень крупной фирмой. Единственное, что уцелело, – ипотечный договор. Надо только вспомнить, куда я его засунула.

Кажется, он был в красной папке. Или в синей?

Вот только не думайте, что я не пыталась бороться! Пыталась. Ну честное слово, пыталась! От и до проштудировала сайты, где опытом делятся друг с другом такие же, как я, и...

И поняла, что ничего не выйдет. После совета заменить домашние тапочки на шнурованные ботинки, чтобы воспитывать в себе силу воли, каждый раз их завязывая, я не выдержала – пошла в клуб (сунув ножки в лакированные туфли без шнурков, прошу заметить!). Мы с девчонками пили-то немного, но так хохотали над моим «отчетом о форуме фей

чистоты», что нас, наверное, запомнили надолго.

Подружки хохотали вместе со мной, а только у них в гости я была. Стыдно. Но сделать с собой я все равно ничего не могу. И не из-за смерти мамы, хотя психолог, к которому я обращалась, наступив на горло собственной песне (ну не люблю я психологов!), считает, что это не так.

Я всегда была поросенок. Мама пыталась меня переделать – мы ругались до тех пор, пока я не уехала.

Потом мы съехались с Борькой, но уже через месяц расстались. Он, правда, бросил меня не из-за хлама в съемной квартире, а из-за Ленки. Ленка потом сказала Аське, Аська – Таньке, а Танька, напившись, выложила мне все... Типа все-таки из-за того, что я страшная грязнуля. Но теперь-то какая разница?

И надо ж такому случиться, чтобы я работала в клининговой компании под названием «Фея чистоты». Скажете, так не бывает? А как же «сапожник без сапог»? А? И потом я ж менеджер, а не уборщица! И еще. Если кто думает, что достаточно вызвать к себе специалистов, тот сильно ошибается. Сотрудники клининговой компании моют полы, окна, диван могут отчистить, ковры. Вот только чтобы их вызвать, квартиру нужно убрать – а в этом-то и есть проблема!

В первый день отпуска я лениво бродила по квартире с огромным мусорным мешком и выкидывала, выкидывала, выкидывала.

Обнаружила в подгоревшей кастрюльке новую цивилиза-

цию. Это когда меня посетила дурная мысль сварить курицу? Неделю назад? Две?

«Пусть мама услышит, пусть мама придет-от...» – запел телефон.

Два года прошло, а я каждый раз вздрагиваю: тетка звонит с маминого телефона. Сколько раз давала себе обещание сменить эту музыку, но...

Не могу. Так же, как не могу вещи каждый раз класть на место!

– Черт...

– Бах! Дзинь! – Кастрюлька выскочила из рук и покати-лась по полу, устроив новой цивилизации настоящее землетрясение.

– Да? – буркнула я в трубку, без сил садясь на пол рядом с мусорным пакетом.

Я люблю тетю. Очень. Но терпеть не могу, когда она строит из себя мою маму, а в последнее время родственница только этим и занимается. Наверное, из-за чувства вины. Того самого чувства вины, которое испытывают все родственники, потерявшие близкого человека, вне зависимости от того, виноваты они в чем-то или нет.

– Аня? Я завтра приеду. Погуляем по Москве, и я тебе хоть полы помою.

– Просто погуляем по Москве, – проворчала я. – Уборка – это моя забота, – вздохнула, заглянув в кастрюлю.

– Ты и уборка – взаимоисключающие понятия. Твоя ма-

ма...

– Я помню, что говорила мама, тетя Валь... Не сейчас – ладно?

– Аня... Анечка, что-то случилось?

– Случилось. Меня в отпуск отправили.

– Так это же хорошо! Я всего на пару дней, а тебе надо расслабиться и заняться наконец личной жизнью. Тебе уже двадцать шесть, а...

Ну началось! Вторая любимая тема после моей грязной, немытой квартиры – это, конечно, моя неустроенная личная жизнь. Двадцать шесть, мама так хотела внуков, да так и не дождалась, а она, тетя Валя, матери моей старше почти на десять лет, и тоже ведь внуков не дождетя, и бла-бла-бла.

Слезы как-то сами собой полились. Капали в кастрюльку на покрытые пушком плесени остатки сгоревшей курицы. Сколько раз я представляла себе, что иду на могилу к маме не одна? Веду за руку девочку. Или мальчика? А может, двоих? Я верила, что мама их увидит и обрадуется, вот только не могу же я выйти замуж только ради того, чтоб были дети? Да и ни к чему это в наше-то время. Просто я хочу детей от любимого человека. Искренне мною любимого – и не важно, будем мы жить «долго и счастливо» или он от меня, замарашки, сбежит на следующий же день.

– Ладно, прости, – выдохнула тетя, правильно поняв мое красноречивое гробовое молчание.

– Собирайся: на поезд опоздаешь, – посоветовала я, вы-

терев слезы.

Ну все, Аня. Соберись! Кастрюлю – в раковину, пустить воду, пусть отмокает. Снять шторы, сунуть в стиральную машинку. Уберусь, намою все и повешу новые – синие, те, что недавно купила по скидке. Шторы! Вот черт... Их чтобы повесить, стремянка же нужна.

И тут в дверь позвонили.

– Фариде! – бросилась я на шею бегемоту в ярко-бирюзовой спецовке (во всю спину – фея с крылышками и пылесосом).

Тетушка Фариде (как мы ласково звали всем коллективом нашу уборщицу) была ни много ни мало кандидат наук в своем солнечном Таджикистане.

– Аня, можно оставлю, да? – Фариде бросила усталый взгляд на стремянку. – Мне ехать к брату сегодня.

– Конечно! Очень кстати – я тут как раз решила все намыть и шторы новые повесить.

Фариде с опаской заглянула в квартиру, всем своим видом намекая, что до финального штриха, а именно новых штор, по-видимому, еще далеко.

Меня это разозлило. Почему все лезут не в свое дело? Почему все, кому не лень, пытаются меня чему-то научить? Почему просто не оставить меня в покое?!

– Помочь? – Миндалевидные черные глаза заглянули... в самое сердце.

Только у южных людей бывает такой взгляд.

Мне бы расплакаться. Обнять Фариде, попросить остаться, помочь, но я уже была на взводе. Все раздражало, хотелось остаться одной. Одной! Посреди моего личного, любимого свинарника.

– Нет, спасибо! До свидания!

Я втащила стремянку в коридор и захлопнула дверь – прямо перед носом Фариде. Некрасиво получилось. В конце концов, она ни в чем не виновата.

И на кой черт я купила такое количество квадратных метров? Шестнадцать – кухня, столько же – комната, а ведь еще лоджия и коридор.

Уже глубокой ночью я поняла, что ничего не выходит. Разбирая документы, нашла старые фотографии и зависла. Пока предавалась воспоминаниям о прошедшей любви, вода залила всю кухню! Я ж кастрюльку в раковину поставила, плесень забила слив, и... В общем, пока возилась, в комнате так и не убралась. Зато пол на кухне чистый.

Спать не хотелось, и я решила все же повесить шторы. Пошатываясь, потащилась в прихожую за стремянкой.

– Фея чистоты, – взмолилась я, забираясь под потолок. – Если ты существуешь, скажи, пожалуйста: за что? За что ты так меня ненавидишь, а?

Три месяца спустя

Это было последнее, о чем я тогда подумала, потому что... Потому что я упала. Упала со стремянки и, видимо, ударилась головой, потому что, очнувшись, увидела перед

собой фею! Самую... настоящую. В искрящемся платье и с огромными крыльями, от которых при каждом движении во все стороны разлеталась волшебная пыльца.

И теперь эта самая фея стояла рядом со мной в поезде, делая вид, словно это я в чем-то перед ней виновата!

– Разрешите. – Крылья, раздраженно жужжа, заполнили все пространство купе.

Она была... прекрасна. Фарфоровое личико, разноцветные пряди в густых, пышных волосах, точеная, окутанная сияющей тканью фигурка и... крылья. Прозрачные, припудренные золотой пылью. Интересно, это та самая пыльца, с которой летал Питер Пэн?

Нежные розовые лепестки на шляпке источали настоящий аромат живых цветов! В чашечках поблескивали, переливаясь, капельки росы, словно крошечные бриллианты – магия, не иначе. Из-под платья слегка выглядывали лакированные туфельки, а движения красавицы были настолько легки и изящны, что...

Что хотелось провалиться сквозь землю, дьявол меня за-
бери!

Забыв обо всем, я застыла словно зачарованная. А ведь кроме чувства неполноценности меня должна бы переполнять ненависть, если вспомнить, что сие прекрасное создание – причина всех моих бед!

Сколько раз я пыталась объяснить, что именно она, фея, выдернула меня в этот мир?! Никто не хотел слушать, а Уилл

– тот и вовсе заявил, что все это мне просто померещилось! Друг, называется.

Потом он, правда, признался, что верит, но очень не советует где-либо об этом упоминать. Вот почему ни в одном документе фея не фигурировала. Прошло время, и мне самой стало казаться, что... Приснилось. Почудилось. Я ведь упала. Головой ударилась.

Но нет. Вот она, сидит рядом, жужжит крыльями! Зараза... Как будто имеет право злиться. Словно это я, а не она, вместо того чтобы помочь, уничтожила чью-то жизнь!

– Вы ведете себя неприлично, – пропел хрустальный колокольчик. – Не надо меня так пристально рассматривать!

Я молча показала браслет – тонкая цепочка в полумраке купе вспыхнула ядовито-зеленым.

– Надзор и работа горничной, – объявила я, надеясь воззвать к совести (если, конечно, у фей есть совесть).

«Динь-динь» издевательски расхохоталась, и меня просто затрясло от гнева! Сомнений в том, что именно эта крылатая гадина была у меня в квартире в тот самый злополучный день, не осталось никаких.

– Может, это хоть чему-то вас научит! – заявили мне, устраиваясь у окошка.

Фея аккуратно расправила складки легкой ткани, пристально следя за тем, чтобы не помять крылья. Сумочка устроилась рядом на столике.

Я с ненавистью посмотрела на аккуратный небольшой сак-

вояж с пряжками и ручкой. Наверняка там все лежит в строгом порядке – пудреница, зеркальце, гребешок и накрахмаленный до хруста белоснежный платочек с вышитыми золотом инициалами.

Мисс Совершенство хотелось прибить, как назойливую осеннюю муху! Вскочив, я пребольно стукнулась ногой о столик. Зашипела, потирая ушибленное место, удивляясь, какие опасные звуки способна издавать в порыве злости. Будто клубок змей совсем рядом.

Спустя несколько секунд я поняла, что звук не имеет ко мне, существу вполне миролюбивому (если, конечно, не доводить до крайности), никакого отношения. Звук шел от попутчицы – вернее, от ее крыльев. Они шуршали, сама же фея шептала что-то нечленораздельное, пристально всматриваясь в мое лицо. Я вдруг поняла, что не могу пошевелиться. Стало холодно – окно купе покрылось инеем.

– Грязный, невоспитанный поросенок! Ха-ха-ха...

– Рано радуетесь! – Я сжала кулаки, и тут из-под диванчика, куда я, устраиваясь, ногой затолкала свой дешевый саквояж, выскочил Букля:

– Госпожа фея! Пощадите! Не слушайте ее, о великодушная и всесильная! Хрю-у-у-ук... Умоляю!

Кудлатые ушки подрагивали, вторя недовольно трепещущим крыльям. Эти двое уставились друг на друга, наблюдая, как кружится в воздухе сверкающая пыльца.

– Хм-м-м... Скажите на милость. Откуда у этого... без-

дарного недоразумения фамильяр? Бенджамин Ульрих Клементий Лаврентий Ясновидящий, если не ошибаюсь?

– К вашим услугам, о всесильная. – Букля низко, изящно поклонился, локонами судейского парика смахивая пыль с туфельек этой... гадюки!

– Пошел прочь! – Пальчики звонко щелкнули, и малыш, жалобно взвизгнув, кубарем полетел под диван.

– Хрюк.

– Букля! – закричала я, усилием воли скидывая оцепенение.

Сердце едва не выпрыгнуло. Ну держись, «Динь-динь» проклятая. Не знаю, есть ли у меня магия, но этот кудрявый минипиг – мой друг, и я не позволю его обижать!

– Тебе это с рук не сойдет, поняла? Букля! Букля, малыш... Ты где? Тебе больно? Скажи хоть что-нибудь.

Я полезла под диван, выставив красотке на обозрение пятую точку. Если феи считают подобное поведение неуважением – так ей и надо! Я чистить туфельки этой мерзавке не собираюсь. Она у меня еще получит, вот только Буклю найду.

– Да как ты смеешь мне угрожать? Ты...

– Еще как смею! – Схватив Буклю и прижав к себе, я развернулась и...

Дышать! Что со мной? Мне нечем дышать! В горле – хрюкающее бульканье, нос тянет, как будто...

Поднесла дрожащие руки к лицу. Нашупала что-то круг-

лое, мокрое. Пятачок! Почти одновременно к этим странным, пугающим ощущениям добавился нестерпимый зуд в...

– Нет! – прошептала в отчаянии, нащупав упругий хвостик крючком, торчащий из юбки.

Ткань порвалась.

Я завертелась волчком, пытаюсь увидеть, что там, но ничего не получалось.

Фея рассмеялась, но вместо хрустального перезвона тысячи колокольчиков из горла красотки вырвалось... кабанье хрюканье. Зажав рот ладонями, сказочное создание в ужасе уставилось на меня.

– Дамы? У вас все в порядке? – Раздался осторожный стук в дверь.

Проводник, почувствовав неладное, решил вмешаться, однако открывать купе не спешил – мало ли что, от этих фей всего можно ожидать.

– Поскольку мы теперь практически родственники, – осторожно заметил Букля, придя в себя, – позвольте заметить, что, хотя вы обе выглядите совершенно очаровательно, проводник может вызвать магическую полицию.

– Хрю! – согласно кивнула фея и выразительно посмотрела на меня.

А я что? Я вообще колдовать не умею.

– Откройте! – забарабанили в дверь. – Мне необходимо убедиться, что с вами все в порядке. В противном случае я

буду вынужден вызвать полицию!

– Энн, – тоном строгого учителя проговорил Букля, – не тупи, отменяй заклятие. Бери пример с госпожи феи!

И действительно – крылышки «Динь-динь» успокаивающе трепетали, окутывая золотой пылью наше маленькое купе. Нос защипало.

– А... А... Апчхи!

– Энн, быстрее!

– Я открываю!

Заскрипел замок двери купе.

Глава 3

Дверь в купе резко распахнулась, и меня тут же ослепила вспышка.

Щелк! Щелк! Пуф-ф-ф...

– Вы обе едете к милорду Харди. В Дан-Лане ходят чудовищные слухи, никто не вернулся из проклятого поместья. Вам не страшно?

Щелк! Щелк!

Сердце ушло в пятки! Я отвернулась, закрыв лицо руками и почувствовав пальцами... нос! Мой любимый носик!

В отличие от девяноста девяти процентов женщин моего мира любого возраста, лично я никогда не сетовала на собственную внешность. Нос, губы, фигура – меня все устраивало, и, судя по ощущениям, все это вернулось в прежнее состояние.

Какое счастье!

Быстро окинув взглядом купе, обнаружила, что, несмотря на наглое вторжение журналиста с алчным взглядом и бегающими крысиными глазками, все остальное – в полном порядке. Возмущенная фея смотрит на парня так, будто еще мгновение, и она превратит его в крысу. Что ж, он знал, на что шел.

Букли не было, значит, успел спрятаться в саквояж. Молодец, хороший минипиг! Я выпрямила спину, стараясь подыг-

рать, понимая, что хрюканье феи могло и не исчезнуть так же легко и внезапно, как мой свиной пяточок.

Полные искреннего негодования, возмущенные взоры двух приличных барышень в сторону двери прекрасно дополнял мой уверенный, очень недовольный голос:

– Простите, молодой человек... Могу я поинтересоваться, в чем, собственно, дело? Вы врываетесь к двум дамам.

В проем заглянул перепуганный проводник.

– Мои извинения... Странные звуки. Я был вынужден.

– Вы были вынуждены прислать журналиста? Были вынуждены позволить ему делать снимки? – Лед в голосе не хуже магии фей заставил покрыться инеем окна, а несчастного проводника – позеленеть от страха.

Какая же я все-таки молодец! Бесстрашная. Артистичная. Только убираться не люблю.

Фея со скучающим видом отвернулась к окну, всем своим видом давая понять, что грандиозного скандала избежать не получится.

– Куда смотрит полиция? – Я решительно поднялась.

Зря. Зуд чуть выше пятой точки не прошел, ткань предательски треснула – стало быть, не все последствия устранены. Я посмотрела на фею, сделав страшные глаза, мол: «Выручай!»

Как бы я ее ни ненавидела, но... стрекоза свое дело знала – журналиста кубарем вышвырнуло из купе, а из его старинного фотоаппарата (все-таки чертовски красивая штука!) с

жалобным свистом повалила золотая пыльца.

– Не-е-ет! Нет. Нет. Нет! Храни королеву феи – за что?

Фея зевнула, изящно прикрыв рот ладошкой в полупрозрачной нежно-сиреневой перчатке в тон изящному наряду. Купе наполнилось ароматом цветов, что почему-то напугало несчастного проводника до полусмерти.

– Дамы, умоляю! Чай и сладости за наш счет! Только... не губите. Я немедленно высажу этого наглого господина на следующей же станции!

Я постаралась сесть на место. Аккуратно, не поворачиваясь к проводнику спиной. Выглядело странно, но... Вполне объяснимо. Барышни путешествуют одни. Приличные барышни, смею заметить. И тут к ним в купе врывается... мужчина! С камерой. Да я вообще уже должна быть в глубоком обмороке.

– А вы не боитесь оставаться наедине с той, что может вас уничтожить? – журналист не сдавался: да, снимки исчезли, но остался блокнот, который он и сжимал, словно шпагу перед боем. – Или чудовище Харди пугает настолько, что...

– При всем уважении к небезызвестному лорду Харди, – насмешливо протянула я, глядя этому назойливому, упрямому журналюге прямо в глаза, – я бы ставила на нее, – кивнула на крылатую соседку.

И что ей не понравилось-то? Я ж ей комплимент сделала! Стоило так... возмущенно хрюкать?

Мгновение мы все трое в ужасе смотрели друг на друга.

Проводник ушел распорядиться насчет еды и напитков, что должны были помочь нам забыть инцидент, – уже хорошо. Плохо, что журналист слышал хрюканье прелестного создания и теперь строчил в своем блокнотике, высунув от старания язык.

– Хм-м-м... А ты не так глупа, как кажешься, – пропел хрустальный колокольчик.

Золотая пыльца закружилась, окутывая журналиста, и... крыса, высунув нос из-под исписанных карандашом, рассыпанных по всему купе листов, пробежала по гофре камеры и скрылась. Несколько секунд спустя мы услышали женский визг. Топот ног проводника и обещания бесплатного ужина. Похоже, наш вагон сегодня за еду платить не будет.

Я с облегчением откинулась на спинку уютного диванчика, но тут же подпрыгнула, взвизгнув от боли. Мой хвостик никуда не делся.

– Хрюк! – поддразнила фея.

– На себя посмотри, – огрызнулась я и застыла. – В чем дело? Ты же только что разговаривала!

– Сейчас объясню, – хрюкнул Букля, вылезая из саквояжа. – Судя по магическому фону, что я наблюдал, пока здесь развивались нешуточные страсти, все дело в том, что ты, Энн, сделала фее комплимент.

– А мое лицо? Оно в норме, а вот хвост...

– Хрюк!

– Замолчи!

– Энн, нет! – Минипиг выглядел словно строгий учитель с расшалившимся классом. – Что ты наделала? Полюбуйся на себя!

Я посмотрела в отражение окна и едва не расплакалась. Свиной пятак. И все из-за этой.

– Дамы! – Раздался требовательный стук.

Дверь дернули как раз в тот самый момент, когда мне на лицо золотой пылью опустилась плотная вуалетка.

Что ж, и на том спасибо.

– Что тут происходит? – В купе просунулся знакомый, похожий на яйцо, шлем.

Ну вот... Полиция. Интересно, они арестуют эту... крылатую? За то, что превращает журналистов в крыс (ну ладно, допустим, он как раз заслужил), а ни в чем не повинных девушек в... Но хватит об этом, пора действовать.

– Нам также было бы интересно узнать, – всхлипнула я, картинно потянувшись платочком под вуаль шляпки (столько раз видела такой момент в кино – всегда хотелось повторить!). – К нам ворвался какой-то... грубиян! Говорил непростительные вещи. У него была камера!

Констебль потупился.

– И где он?

– Кто?

– Грубиян.

– И... и... исчез! Умоляю, найдите его! Найдите и избавьте нас от этого кошмара. Да хранят феи королеву. – Я стала

рыться в саквояже, пытаюсь дрожащими пальчиками найти пузырек с нюхательной солью.

Никакой соли в саквояже, конечно же, не было. Там был Букля – тихо притаился на самом дне. Но констебль этого не знал. Сейчас он извинится и уйдет. Дождаться, пока дама примется приводить себя в порядок, неприлично.

Страж порядка, однако, не собирался покидать наше многострадальное купе. Он стоял чуть наклонившись вперед и... Было похоже, что думал, хоть это и не вязалось с историями о Шерлоке Холмсе.

– Могу я попросить уважаемую фею прокомментировать? – выдал яйцеголовый.

Черт... Черт! Черт! Только этого не хватало.

– Все в порядке, – прозвенел колокольчик.

Крылышки загудели, констебля окутало золотым облаком.

– Конечно, – улыбнулся тот светло и счастливо. – Все в порядке! Все в порядке. Все в полном порядке!

И ушел.

От облегчения я забыла, как дышать. Откинула вуаль, полюбовалась на собственное отражение и с удовольствием обнаружила, что сидеть стало значительно легче – хвост исчез, а к фее вновь вернулся голос.

– Я полагаю... – Букля вновь было высунул из моего саквояжа любопытный пяточок, но к нам опять постучали.

– Это когда-нибудь прекратится? Сколько можно нас бес-

покоить? – Колокольчик звенел мелодично, но рассерженно.

– Поверьте, это ради вашей же безопасности! Я должен знать, что произошло.

– Простите, это моя вина. Уронила сумочку. – Я улыбнулась проводнику, водрузив тяжелый саквояж на колени.

– Хрю... – слышалось из сумки.

– Вот! Я же говорил! Я знал! Слышите? Хрюканье!

– То есть вы утверждаете, что я... – Фея встала, в вагоне поднялся настоящий золотой вихрь, – я хрюкала?!

– Никак нет, госпожа фея! Нет, нет, что вы... Феи да хранят Витту Мудрую, простите! Простите меня. Может, желаете чего? Я... я сию секунду, ваше магичество, только...

– Принесите стаканчик лавандового мороженого, – бросила красавица, жеманно пожав плечиками. – Мне необходимо остыть.

– Да, да! Сейчас... Сию секунду!

– А мне – шоколадного, если можно, – не удержалась я, вдруг почувствовав, что страсть как хочется мороженого!

– Хрю! – слышалось из сумки, да так громко, что проводник едва не упал от неожиданности.

Пришлось фее постараться. Вновь заплясала, заискрилась пыльца, и теперь уже у проводника появилась та самая блаженная улыбка, что была у констебля.

– Три стаканчика, – повторял он, удаляясь, пританцовывая, по коридору. – Лавандовое, шоколадное и клубничное! Хрю-хрю!

– Как у вас получилось меня заколдовать? – Ярко-зеленые глаза сощурились.

Какая же она все-таки красивая! Одно слово – фея. Аккуратные ушки чуть заострены, как у эльфа, кожа мерцает и искрится.

– Не знаю, – честно призналась я, погладив Буклю по... по буклям. Такой вот каламбур получается, уж простите.

– А расколдовали? Как?

– Не знаю.

– И откуда вы взяли на мою голову? – вздохнула фея.

Принесли мороженое. Три стаканчика: лавандовое, шоколадное и клубничное. Клубничное – для Букли. Какое-то время все трое молча наслаждались лакомством, и каждый, наверное, думал о своем.

Я – о том, что есть шоколадное мороженое лучше всего под стук колес мчащего в неизвестность поезда.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Поезд мчался вперед. Мимо гор, рек, лесов и полей. Мимо крошечных игрушечных замков, чьи башенки виднелись вдалеке, мимо простых, но добротных и ухоженных домов сельских жителей. Один раз я даже увидела фею! Совсем юную – пролетая мимо, она даже помахала нам с Буклей рукой, но, наткнувшись на высокомерный взгляд нашей соседки, тут же исчезла.

Моя соседка больше не хрюкала. Хвост тоже исчез, правда, осталась дырка в юбке на том самом месте. Я спросила,

нельзя ли как-то решить и эту проблему с помощью волшебства, но мне так и не ответили. Вообще разговор не клеился. Та, что притащила меня в этот псевдовикторианский мир, вела себя так, будто это не она, а я все испортила! Благоухая цветами, крылатая леди морщила носик, стоило ей скользнуть взглядом по обычной девушке и свинье с ушами, напоминающими судейский парик. Возможно, она права и мы с Буклей не самое подходящее общество для утонченного существа, но...

Но дитя эфира могло бы и не показывать этого столь явно! Хамка. Так вести себя просто неприлично.

– Пф-ф-ф...

Белый дым затуманил окна: поезд встал.

– Остановка – двадцать минут! Желающие прогуляться?

В дверь постучали, и наш проводник, дождавшись разрешения, с опаской сунул голову в купе.

– Дамы, все в порядке? Можно выйти, подышать свежим воздухом, выгулять домашних питомцев.

В моем саквояже одобрительно хрюкнули, напугав до икоты несчастного проводника, и без того измученного нашим присутствием.

– Спасибо, – улыбнулась я, чувствуя себя неловко.

Проводник ушел. Фея даже головы в его сторону не повернула. Ну конечно! Ей поди нет никакого дела до презренных бескрылых.

В саквояже послышался шорох, и вдруг оттуда вылетело

что-то продолговатое, с виду похожее на футляр для очков, прямо мне в руки!

– Проветриться не желаете? – Букля высунул розовый пятчок, застежки открылись, словно чудище щелкнуло зубами. – Пойдем. Покурим.

– Что?

– Пройдемся по перрону. Ну что непонятного? Поговорить надо.

– Да, но...

Я завела руку за спину, намекая на свою маленькую пикантную проблему, а именно дырку от хвоста.

– Ах это! Ну... Мы, конечно, не феи, – Букля нарочно произнес эти слова так, чтобы их расслышала наша неслучайная попутчица, – но кое-что можем.

Маленькие пороссячи глазки сверкнули, подмигнув, и от кудрявого уха моего фамильяра (поросенок настаивал, что он – мой фамильяр, и никак иначе) отделился золотой волосок. Покрутился возле лица, извиваясь, а после принялся зашивать дырку в юбке! Пара мгновений, и все было готово.

– Незаметно? – покрутилась я перед Буклей.

– Ни капельки! Это ж магия. Идем – попыхтишь трубочкой, мне с тобой кое-какими соображениями поделиться надо.

Пожав плечами, я схватила саквояж и выскочила из поезда. Честно говоря, хотелось на свежий воздух, подальше от презрительных взглядов фей. И только мы вышли, я поняла,

о чем говорил Букля. Дамы, прогуливаясь по перрону... курили трубки. Их доставали из узких аккуратных шкатулок – точно такая же была у меня в руках. Но самое удивительное – дым от трубок шел разноцветный: алый, голубой, фиолетовый и зеленый. У каждой дамы – свой, и это было... красиво. Пахло вовсе не табаком, скорее леденцами и шоколадом.

– Чудеса! Букля, что это? Они же не феи?

– Конечно, нет! Феи не курят, Энн. Как подобная глупость могла прийти тебе в голову?

– Но курить приличным дамам... Я ни разу не видела подобного на улицах Дан-Лана.

– Еще бы! – Букля взвизгнул от возмущения. – Курить принято только в дороге, во время путешествий. Цвет дыма трубки говорит о статусе – так понятно, кто именно по своему положению может подойти и заговорить с той или иной дамой. Запах дыма – сигнал, готова ли дама к дорожному роману.

Минипиг втянул в себя воздух и оглушительно чихнул.

– Безобразие... Пойдем-ка. Отойдем от этих... дам подальше. Закуривай!

Я слушала о местных нравах с открытым ртом. Потом открыла шкатулку. Достала трубку. Погладила отполированное дерево. Уже знакомый волосок, отделившись от поросенка, подлетел к трубке, вспыхнул, и от нее тонкой струйкой потянулся вверх... черный, словно уголь, дым. Я попробовала затянуться. Осторожно, так как никогда не курила.

Ощущений никаких – лишь легкий привкус хвои. Дама, что стояла рядом, схватила за руку белокурую девчушку в шляпке с розовой лентой и отошла подальше, бросив на меня испуганный взгляд. Через несколько минут мы с Буклей остались одни, народ как-то разбежался.

– Отлично! – хрюкнул мой друг и тут же перешел к делу. – Я по поводу нашей новой знакомой.

– Феи?

– Именно! Ничего странного не заметила?

– Ну... Она откуда-то знает твое имя.

– Ерунда, имена фамильяров записаны у фей на носовом платке.

– Но она...

– Что? Не доставала платок? Ловкость рук, детка, ты этого просто не заметила! Феи – лучшие карманники Дан-Лана. Они лишь с виду пахнут цветочками, запомни!

– Букля, а ты... Не преувеличиваешь?

– Ты мне не доверяешь?

– Собственно, у меня нет выбора.

– Хм-м... А ты не так глупа, как кажешься. Это ты верно подметила: кроме как на меня, положиться тебе, бедняжке, не на кого, а потому слушай внимательно. Фея ведет себя странно.

– Это неудивительно. Она – фея!

– Она ведет себя странно для феи.

– Например?

Вокруг пылало розовым небо, вечерний воздух пах лесом – красота, да и только. Рядом – ни души, пассажиры поезда оживленно болтали на другом конце перрона и лишь изредка поглядывали в нашу сторону. Поглядывали они как-то испуганно, и мне это показалось странным. С другой стороны, можно было не стесняясь болтать с минипигом, возмущенно хрюкающим из саквояжа, не привлекая внимания общественности.

– Первое – она позволила тебе себя заколдовать. Феи – мастера магической защиты, это... это просто невозможно! Второе – она сделала вид, что якобы не может расколдовать тебя! Феям снять собственные чары проще простого – пальцами щелкнуть! И это в худшем случае, чаще достаточно просто пожелать. Понимаешь, о чем я?

– Если честно, не совсем.

– За нос она нас с тобой водит! А зачем? А?

– Ну... не знаю.

– В сговоре она с тем чудовищем, к которому мы едем, вот что!

– А что, если она... ну, не очень опытная? Мне кажется, она сама не ожидала, что так все получится.

– Ты мне на такое даже не намекай. Фея-неумеха – самое страшное, что может с нами произойти. Это ж ходячее бедствие! Ну и фантазии у тебя.

– Поезд скоро отправится! Пассажиров просим занять свои места!

Звон колокольчика, и люди стали возвращаться в вагоны. Мы с Буклей также поспешили вернуться. От меня шарахались, словно от прокаженной. Странно. Что ж такое-то?

– Букля? – шепотом позвала я поросенка, приоткрыв саквояж.

– Хрю?

– А черный дым трубки... Он что означает?

– Черный Дым – поселение каторжников. Туда отправляют особо опасных – тех, с кем не справились в тюрьмах.

– Что?! Да ты... Как ты... Зачем?

– Чтобы нам дали поговорить. Да и ни к чему тебе сейчас лишние знакомства.

– Ну, знаешь...

– Тихо! Представь, как выглядит со стороны бывшая каторжница, разговаривающая со свиньей, сидящей у нее в саквояже?

Глава 4

– Дамы? – осторожно постучались в купе. – Э-э-э... ваша станция через полчаса.

Мне стало жаль проводника. Настолько нервирующих пассажиров у него еще наверняка не было. И за что ему такое «счастье»? Человек просто делает свою работу. Хотя я-то почему оправдываюсь? Это все она – крылатая наша.

– Большое спасибо, – отозвалась я как можно любезнее, но за дверью послышался звук, будто бедняга упал от неожиданности.

Ну вот. Хотела поддержать, а получилось, что напугала. Фея царственно кивнула – так, словно проводник мог ее видеть. Скажите пожалуйста... Странная она. Прав Букля: лучше держаться подальше от всяких там фей.

Поезд начал замедлять ход, и я, затаив дыхание, прилипла к окну... Чистенький перрон (каменные плитки будто мылом мыли, честное слово – ни пылинки!), ажурные кованые перила и надпись: «Берри-Би». Веселенькое название, а за ним – настоящая сказка! Еще зеленые холмы бежали вдаль, пестря яркими пятнами подступающей осени. То прячась за ними, то вновь кокетливо выглядывая, петляла речка, по берегам которой выстроились игрушечные домики. На ум сразу пришли хоббиты, гномы и прочая милота, заставив улыбнуться.

Все будет хорошо! Непременно! В таких чудесных краях просто не может обитать чудовище. А если оно все-таки здесь обитает, наверняка оно такое же чистенькое, аккуратненькое, как все вокруг. Это значит, сильно убираться не нужно – так, поддерживать чистоту, а уж с этим я как-нибудь справлюсь. Всего-то год надо продержаться.

– Прошу. – Проводник любезно подал мне руку, я выскочила из поезда, с нетерпением вдохнув ароматный сельский воздух.

Он оказался точно таким, как я ожидала, – свежим, с едва уловимыми нотками прелых листьев. Красота!

Из багажного вагона вышли несколько человек, они то-ропливо везли тележки с багажом феи. Если у меня было немного вещей, чемодан да саквояж, где прятался Букля, и я, понятное дело, с ним не расставалась, то крылатая путешествовала с размахом! Интересно, зачем ей столько? У фей что, нет волшебной палочки? Одних шляпных коробок на тележках громоздилось не меньше десятка, не говоря уже о чемоданах.

Багаж был в полном порядке, но у ее фейства было такое недовольное лицо, будто...

Впрочем, пусть себе дуется, мне-то что?

Паровоз, пытая белым дымом, тронулся. Огромные, выше моего роста, колеса медленно поползли, гипнотизируя и набирая ход. Оказывается, это очень грустно – смотреть вслед убегающим поездам. Раньше подобная мысль как-то не при-

ходила в голову.

Когда я наконец смогла оторвать взгляд и обернуться, то не сразу поняла, что нахожусь на том же самом перроне, как и минуту назад. Мир вокруг изменился до неузнаваемости! То есть ландшафт остался прежним, но краски...

Куда девались изумрудная трава и тронутые солнцем багрово-золотые листья кустарников? Вода в реке помутнела, долину окутал туман – не хватало только протяжного, жалобного воя собаки Баскервилей.

За спиной испуганно вздохнула фея. Мы все будто попали внутрь черно-белой фотографии прошлых лет. Грузчик застыл, потянувшись к коробке, что вот-вот упадет. Поезд остановился вдалеке, не двигаясь дальше. Я попробовала пошевелиться и... не смогла.

Что за чертовщина?

Странное оцепенение волшебным образом пощадило лишь Буклю: минипиг стучал по дну саквояжа копытцами, изображая галоп, тем самым намекая, что пора сматываться. Согласна, пятачок, вот только ноги к земле так и приросли!

Мысли носились в голове одна другой страшнее. Сама виновата: в свое время нечего было щекотать себе нервы, глотая готические романы один за другим. Но, увы, я была страстной поклонницей этой трижды проклятой викторианской Англии и историй о Джеке Потрошителе. Любимый персонаж. И почему он мне так нравился? Почему я не изучала, к примеру...

Ш-ш-ш-ш.

Что-то шипело в промозглом тумане, который с каждым мгновением становился плотнее и гуще. Сердце ушло в пятки, ком застрял в горле. Взгляд зацепил совершенно белое лицо феи, и стало совсем не по себе: если уж крылатая и всемогущая так перепугалась, то...

Ш-ш-ш-ш... Тук-тук... Тук-тук...

На перроне никого не было, но по звуку – будто подъезжал экипаж. Черный кеб из лондонского тумана. Открывается дверца, показывается рука в черной перчатке, сжимающая саквояж. С такими раньше ходили врачи, носили свои остро заточенные скальпели. Джек ведь был хирургом, по одной из версий. А еще, судя по тому, как располагались надрезы, когда он извлекал органы, левшой.

Ш-ш-ш...

– Мамочки!

То, что мгновение назад рисовало воображение, медленно обретало реальные черты. Сперва едва уловимо, словно проявляющийся негатив, потом все ярче, контрастней... Плащ, саквояж, надвинутый на лоб цилиндр, что-то сверкнуло в руке – Джек Потрошитель! Точно, он! Вот только я не одна из его пяти всем известных жертв, я ж не уличная прости... тутка...

– А-а-а!

Черная фигура, бесцеремонно оттолкнув меня с дороги, направилась прямиком к фее. Рука с ножом взметнулась

сверху, полы плаща полыхнули пиратским флагом, и тут я словно очнулась – размахнулась и треснула этого урода саквояжем изо всех сил! Легенда покачнулась и, потеряв равновесие, рухнула вниз. На рельсы.

– А-а-а... – застонали из-под плаща, накрывшего безжалостного убийцу всех времен и народов с головой.

И тут в мир вернулись краски и звуки! Словно повернули выключатель. Крики, топот ног, гудение возмущенных крыльев, свежий загородный воздух – все это навалилось с такой силой, что я, обессилев, уселась прямо посреди перрона, обеими руками прижав к себе саквояж.

– Букля... ты тут?

– Хрю...

– Как же так, мы ведь все рассчитали! – слышалось над головой.

– Где он?

– Ушел. Опять ушел!

– Не может быть.

– Вся подготовка псу под хвост! Такой шанс упустили.

– С вами все в порядке? – раздалось за спиной.

Я обернулась и увидела молодого человека. Ярко-рыжие волосы торчали ежиком. Сразу захотелось апельсинового сока. И есть.

Я протянула руку, чтобы мне помогли встать, но... Парень прошел мимо. Мое состояние его совершенно не волновало, он уже суетился около феи, к ней и были обращены его слова.

Фея по-прежнему не шевелилась. Вокруг места, где она стояла, искрилась золотая пыльца – опала с крыльев.

Наверное, волшебным существам от таких вот призраков достается сильнее. Я заглянула в саквояж, но там лежал су-дейский парик.

– Доктор сейчас будет! Потерпите немного.

– Это вы... мне?

Рядом оказался мужчина, высокий, широкоплечий и серьезный, совсем не такой, как тот, с апельсиновым взрывом на голове. И, кстати, не в пример тому мальчишке, он обращался именно ко мне!

– Доктор? Зачем? – Я посмотрела на мужчину и... покраснела.

– У барышень тонкая душевная организация, – поделился он, будто тайну раскрыл. – Надо убедиться, что с вами все в порядке.

Незнакомец оказался невероятно хорош собой. Вроде ничего такого, но... Что-то в нем определенно есть. Надежное. Мужское.

Пока Джек Потрошитель собирался разделаться с феей, было как-то не до того, но сейчас я успокоилась и принялась разглядывать наших спасителей. Тот, рыжий, щеголял в комбинезоне. Удобный наряд. Сливается с ландшафтом. С любым ландшафтом. Странно, но это так. Может, эта грубая, прочная ткань непонятного цвета имеет магические свойства? Кто знает, в этом странном мире отражений все воз-

можно.

Мужчина же одет вполне себе в викторианском стиле: плащ, цилиндр. Присутствовала и трость. Вот только чувствовал он себя во всем этом крайне неудобно. Почему я так решила? Не знаю. Почувствовала. На секунду представила его в таком же комбинезоне, как у Рыжего, и сразу показалось, что это было бы... гармоничней.

– Почему на нас напали? И... кто это был? Призрак? Знаете, в своем мире я читала...

– Дождитесь, пока вас осмотрит доктор, и можете быть свободны.

– Что?

Нахмурилась, вспомнив, кто и зачем отправил меня в эту глушь.

– Я сказал: дождитесь доктора и уезжайте.

– Видите ли, мне необходимо попасть в поместье милорда Харди. Меня отправили к нему...

– Знаю, – перебил он, не обращая внимания на тот факт, что это совершенно невежливо. – Вы не подходите.

– Что?

Не то чтобы я сильно жаждала мыть окна (вспомним, чем закончилась моя последняя попытка). Зато я мечтала получить свободу! Значит, надо пройти это чертово наказание.

– Поймите, по решению суда... Вот мои документы, – я пыталась взять себя в руки и говорить спокойно, но от меня отвернулись, бросив:

– Свободны!

Я уже набрала в легкие воздуха побольше, понимая, что придется применить дар убеждения по полной, но этот хам, поправив цилиндр и расправив плечи (очень... широкие плечи), уже шагнул к фее.

– Позвольте представиться, – учтиво поклонился он ей. – Милорд Харди. Добро пожаловать в Берри-Би. Надеюсь, дорога вас не слишком утомила?

Фея молча смотрела на меня, пока оба джентльмена заливались соловьем и хлопотали вокруг, стараясь не наступать на круг опавшей с крыльев пыльцы.

Интересно почему? Из уважения перед волшебством? Или она ядовитая?

– Как вы?

– Не пострадали?

– Доктор будет с минуты на минуту.

– Приносим свои глубочайшие извинения.

И с чего вдруг они перед ней так рассыпаются? Хотя мне-то какое дело? И без того проблем хватает. Саквояж потяжелел и заходил ходуном: Букля вновь ожил, и это успокаивало.

Фея была настолько бледной, что сердце сжалось. Крылатая продолжала сверлить меня взглядом, игнорируя пытающихся угодить гостье мужчин. В сиреневых глазах застыл ужас, словно она все еще видит убийцу из Уайтчепела.

– Как вам удалось? – хором спросили мужчины.

– Феи изобрели артефакты?

– Или заклятия?

У Рыжего от любопытства даже уши порозовели. Что касается самого милорда Харди (он же Чудовище), то тот и виду не подал, что его интересует данный вопрос. Тон нарочито небрежный, и только пальцы сжимают трость до побелевших костяшек.

Повисла пауза. Фея сжалась. По всему было видно, что бедняжка еще не скоро оправится от пережитого.

Краски вернулись в мир. Лишь там, откуда появился страшный призрак, в воздухе кружились обрывки серой массы. Мне, конечно, тоже было интересно, что же произошло на станции Берри-Би. В Дан-Лане я ничего подобного не видела. Что, если именно Потрошителя имели в виду журналисты, когда намекали на некое «чудовище»? Лорд Харди, хоть и был крайне недружелюбен, на монстра не походил. Напротив, мужчина был вполне привлекательным. Даже очень.

Подобные мысли заставили вспомнить о цели своего визита. Так или иначе, добиться возможности отбыть наказание было жизненно необходимо!

Почему милорд мне отказал? Неужели заметил-таки дырку в юбке? Порванную ткань удалось зашить стараниями Букли, но что, если завиток парика взял да и выскользнул? На всякий случай я решила ни в коем случае не поворачиваться к милорду... «обратной стороной луны». Надо доказать этому заносчивому Харди, что я достойна вытирать пыль в его трижды проклятом поместье.

Из саквояжа показался розовый пяточок и тут же исчез, оставив после себя краешек свитка с печатью Высшего суда Дан-Лана. Спасибо, Букля! Выхватив документы и подобрав подол, я решительно шагнула вперед.

– Милорд, – обратилась я к чудовищу.

– Опять вы, – поморщился мужчина, словно от зубной боли. – Кажется, я понимаю, что вам нужно.

Отдав трость Рыжему, мужчина достал из кармана чековую книжку и уверенным, размашистым движением что-то написал. Наклонив голову, покрутил листок в руках и протянул мне.

– Это за моральный ущерб. И исчезните уже наконец!

Я сжала ручку саквояжа. Может, треснуть по голове? Джеку Потрошителю помогло. Если бы не Букля, клянусь, я бы так и сделала! Но фамильяра было жалко: ему и так, бедняге, досталось.

– Это она, – вдруг прошептала фея.

– Кто? – подскочил к ней лорд Харди, забыв обо всем.

Листочек с вполне приличной суммой так и остался у него в руке.

– Она. – Пальчик, затянутый в тончайшую ткань в тон платья, указал на меня. – Она его ударила. Саквояжем. Он упал и... исчез.

Все, даже грузчики, что так и стояли, вцепившись в роскошный багаж феи, посмотрели на меня.

– Бумаги! – рявкнуло чудовище и выронило чек.

Тонкий лист бумаги медленно поплыл в мою сторону, заставив присутствующих замереть. Каково же было их удивление, когда саквояж, хищно клацнув замочком, захлопнулся, поглотив роспись милорда.

– За моральный ущерб! – хрюкнули со дна сумки.

– Я сказал: бумаги, – прошипел милорд, покраснев от злости.

Я послушно протянула свиток. И зачем так злиться? Сам сказал: за моральный ущерб. Никто его за язык не тянул. Кто ж знал, что местная знаменитость настолько влиятелен и страшен, что его слушается даже мой саквояж.

– Продолжайте, пожалуйста, – улыбнулся фее милорд Харди, брезгливо разворачивая свиток.

– Я испугалась, – фея поежилась. – Так испугалась, что не могла пошевелиться. Он замахнулся ножом! И тут она его ударила. Саквояжем. По голове. Он упал и...

– Исчез. Это мы уже слышали, – милорд нахмурился.

– Невероятно... Быть не может, – прошептал Рыжий. – У нее же...

– Есть, – фея нехотя кивнула. – Есть магия.

«Не смей выдавать Буклю! – мысленно пригрозила я крылатой. – Убью!»

Читают феи мысли или нет, я не знаю, но та, что притащила меня в эти... Как там их? Отражения? В общем, фамильяра никто не выдал. Не знаю почему, но мне показалось важным. Букля – моя тайна. Мое личное, нежданно-негадан-

ное волшебство, которым я ни с кем не собираюсь делиться. Во всяком случае, пока.

– Вы же попали в Дан-Лан из другого отражения? – Рыжий прищурился.

– Я не из Лондона. Я из Москвы. И вовсе не из Викторианской эпохи.

Милорд Харди внимательно посмотрел на меня и понимающе кивнул. Что именно он понял из того, что я только что сказала? Знает ли он о других городах моего мира? И вообще какой у них тут, интересно, год?

Только сейчас я поняла, что ни разу никому за все пребывание здесь не задавала подобных вопросов. Как-то... не до того было. В Дан-Лане лошади тащили за собой точную копию легендарных лондонских красных автобусов, существовали телефонные аппараты и вполне себе современные шариковые ручки. А вот печатные машинки и фотокамеры были такими старыми, что...

– Понятно, – проворчал милорд, ни к кому особо не обращаясь.

Интересно, что именно ему понятно? Лично я в полной растерянности. Взять хотя бы здешнюю моду. Комбинезон Рыжего, весь в цветных пятнах, с прожженными дырками, к примеру, никак не вязался с тростью и цилиндром Харди. Что вообще у них тут творится?

– Вы – маг?

Рыжий рассматривал меня с плохо скрываемым нетерпе-

нием. Словно у него руки чесались немедленно посадить столь интересный экземпляр в клетку и приступить к изучению. Отвали, детка! Я тебе не подопытная крыса, ясно?

– Вы меня слышите?

– Слышу. Не думаю, что я маг.

– Разберемся в поместье, – принял решение милорд Харди. – Вы, – бросил он в мою сторону злющий взгляд, от которого мороз пробежал по коже, – поедете с нами.

Очень хотелось сказать, что ехать с ним у меня нет никакого желания, но нарываться на еще большие неприятности не хотелось.

– Все это очень странно, – пробормотал Рыжий, подавая фее руку. – Очень.

Глава 5

– Идемте! – рявкнул лорд Харди и первым зашагал по ступенькам, ведущим с перрона вниз.

Я, Рыжий с феей под руку и торжественная процессия грузчиков с багажом крылатой (на лице каждого – искреннее желание убраться отсюда куда подальше, и как можно скорее) гуськом двинулись следом.

Погода была чудесной! Ласковое, не жгучее, но еще теплое осеннее солнышко яркими пятнами плясало на необычной форме листьев пышно растущих вдоль песчаной дорожки кустарников. Пели птички, пахло малиной и чем-то еще – мир вокруг казался сказочным!

Еще более сказочным, но совершенно в ином свете казался он, когда мы вышли наконец на дорогу... Как думаете, что может шокировать в королевстве Ганглии больше, чем появление из густого, наводящего ужас тумана легендарного Джека Потрошителя?

– Карета подана, леди!

Лорд Харди слегка поклонился, делая вид, что ничего странного не происходит. Оказывается, местное чудовище не лишено было чувства юмора.

Как зачарованная я смотрела на ржавый, напоминающий жуткое насекомое... летательный аппарат. Чудо техники зависло в воздухе примерно на полметра, из кабины преду-

смотрительно торчала не внушающая особого доверия лешенка.

– Мы... полетим? – спросила я дрожащим голосом, вцепившись в ручку саквояжа (надежная вещь с Буклей внутри уже не раз спасала положение).

Я обошла «машину» со всех сторон, мучительно вспоминая, где я такое видела... Нет, правда видела! Вот прям один в один. Данная конструкция совершенно не вписывалась в окружающую действительность. Даже птицы стали петь тише. Или показалось?

– «В далекой-далекой галактике бушевали звездные войны», – прошептала я. – Ну конечно! «Звездные войны»! Вот где я видела эту штуку!

– Ах! – услышала я вздох перепуганной барышни и резко обернулась.

Лорд Харди, подхватив фею на руки и нежно прижимая к себе, нес крылатую к «звездолету». Я отвернулась, испытывая...

Ревность? Еще чего!

– Вы... знаете, что это такое? – Рыжий смотрел на меня так, будто я ему мешок леденцов с ярмарки привезла.

– Ну...

– Надеюсь, нет! Только этого нам не хватало, – проворчал лорд. А потом поцеловал фее руку и поинтересовался вполголоса, удобно ли она устроилась.

Я сжала кулаки, от всей души желая чудовищу встретить-

ся с Дартом Вейдером. А что? Если в очаровательном местечке Берри-Би за феями охотятся убийцы, то почему бы темным лордам не преследовать чудовищ?

– Милорд? – раздался у меня за спиной вкрадчивый, сладкий, как патока, мужской голос. – Вы, как всегда, кричите! Зря. Девушка перенервничала. Не стоит повышать голос, это может спровоцировать нервное расстройство.

Я не верила собственным глазам! Джек Потрошитель. Еще один. Плащ, трость, цилиндр. Рука в черной перчатке сжимает ручку саквояжа – совсем как... моего. Но у меня-то там Букля, а у этого наверняка масса неприятных вещей. Слякоти с горькими настойками, шприцы и... скальпель. Зловеще доктор, правда, вовсе не выглядел, просто появление подобного персонажа аккурат после перенесенного ужаса... наводило на мысли.

– Здравствуйте, доктор, – небрежно бросил лорд Харди. – Думаю, ни девушке, ни ее нервной системе ничто не угрожает. Что же касается госпожи феи, прошу вас оставить для нее успокоительных. Она действительно пережила сильный стресс.

Скажите пожалуйста! «Госпожа фея пережила стресс». А я?!

Странно, но доктора фея, похоже, не особо интересовала. Он равнодушно кивнул милорду и продолжал... рассматривать меня. С нескрываемым мужским интересом.

– Ваша новая служанка?

– Увы, – вздохнуло чудовище.

– Уступите ее мне!

– Вы с ума сошли?

– Бросьте, от вас она все равно сбежит. А у меня, глядишь, и приживется. Возможно, мы даже поладим. Как думаете, дорогая?

Доктор бесцеремонно взял меня за руку и, отточенным движением оголив запястье, принялся с серьезным видом считать пульс.

Врачи все так делают, но у меня отчего-то мороз по коже пробежал. С головы до пят и обратно. Это как так? Что значит «уступите»?! Я – не вещь. Я свободный человек, имеющий право...

Пальцы доктора нащупали цепочку. Я отдернула руку, стараясь не встречаться взглядом с этим... типом. На душе тут же стало не очень.

– Горничная отправляется со мной, – отрезал милорд.

Мне показалось, лорд Харди разозлился на доктора. Это было... Неожиданно. Неожиданно приятно. Но что это со мной, в самом деле? Испугалась доктора? Или...

Так или иначе, я почувствовала огромное облегчение. Лорд поймал мой взгляд, улыбнулся неизвестно чему и вдруг подхватил за талию – легко, как пушинку. Я вцепилась в саквояж, не успев даже пискнуть. Ловкий, отточенный бросок – и вот я уже сижу напротив феи.

Никто не поинтересовался, удобно ли мне. Обидно, ко-

нечно, но что делать? Меня не «уступили доктору» – и на том спасибо. А за уважение и права мы с Буклей еще поборемся! Ничего-ничего. Все только начинается. Если чудовище думает, что осужденным не полагаются регламентированный рабочий день, трехразовое питание и право на отдых, придется объяснить. У меня, между прочим, друг – адвокат! В Дан-Лане.

– Усаживайтесь поудобнее, – обернулся Рыжий и, склонившись ко мне, прошептал: – Потом расскажете, что такое эти «звездные войны»?

Я посмотрела в озорные зеленые глаза, полные искреннего любопытства. Совсем... мальчишка. Мне показалось, что мы, возможно, могли бы подружиться, но тут саквояж трянуло, и я, едва его удержав, против воли пролепетала:

– Не знаю, добрый господин! Ничего не знаю.

Рыжий хотел что-то сказать, но его голос утонул в диком реве адской машины, готовой взлететь.

– Поехали! – крикнул лорд.

Пилот натянул на глаза огромные летные очки. Было видно, что к подобным полетам обитатели таинственного поместья привыкли. Интересно, как часто они летают над тихим, уютным Берри-Би, пугая жителей аккуратных домиков?

Машина поднялась в воздух, накренилась, словно обдумывая выгодный маршрут, и рванула к видневшимся вдалеке скалам с такой скоростью, что стало невозможно дышать! Крылья феи испуганно зажужали (страховали хозяйку на

случай, если нас все-таки вышвырнет?).

Мне вдруг стало легко. Легко и радостно. Захотелось сорвать шляпку и закричать от восторга: «Эге-ге-ей!»

– Хрю-у-у...

На долю секунды из саквояжа высунулся розовый пяточок. Букля с феей понимающе переглянулись, и взгляды их говорили следующее: подобное средство передвижения придумали, чтобы мучить и пытаться, а мысли некой Энн Файер, с которой их случайно свела судьба, не оставляют сомнений в том, что данная особа лишилась рассудка.

– Нравится? – вежливо поинтересовался лорд, сверкнув улыбкой.

Букля с феей вновь переглянулись, мол: «Еще один ненормальный... Куда мы попали?»

– Очень! – выпалила я, вовремя хлопнув кулаком по саквояжу.

Лорд довольно кивнул. Саквояж недовольно хрюкнул.

– А вот и замок! – крикнул Рыжий.

Придерживая шляпку, я попыталась увидеть замок... Жуткое, местами почерневшее строение отбрасывало зловещую тень на зеленые холмики. Выходить тут же расхотелось.

– Каменный страж, – гордо промолвил лорд Харди. – Добро пожаловать в поместье!

Машина зависла над широкой дорогой, ведущей к воротам.

– Слезайте! – крикнул Рыжий. – Я поставлю «Богомола»

на площадку и присоединюсь к вам!

Я поняла две вещи. Первая – у космолета а-ля «Звездные войны» было имя: «Богомол». Вторая – мы должны спуститься. Прямо... сейчас. «Богомол» завис в метрах трех от земли, под ногами что-то заскрежетало, и я увидела веревочную лестницу. Ну уж нет! Вы как хотите, а я не полезу!

– Ну уж нет! – громко повторила вслед за моими мыслями фея и... вспорхнув, изящно опустилась на землю, осыпав корабль золотой пылью.

Я вздохнула. Красиво. Эффектно. А главное – безопасно. Жаль, мы с Буклей летать не умеем.

– Я пойду первым! – стараясь перекрыть работающие во всю мощь винты, крикнул лорд Харди. – Вы – за мной!

В следующий миг он уже оказался на качающейся лестнице.

– Давайте! Не бойтесь! Ну?

Легко сказать... Страшно же! И высоко. Ой, мама!

Прижимая к себе саквояж (там Букля!), я попыталась перекинуть ногу. Ветер предательски поднял юбки. Мало того что сзади у меня наспех залатанная дырка, так еще милорду видны панталоны во всей красе! Конечно, в такой ситуации больше думаешь о том, чтобы выжить, но...

– Ставьте ногу! Отлично. Теперь вторую. Держитесь крепко! – командовало чудовище, делая вид, что поднятая парусом юбка его вовсе не волнует.

Не знаю почему, но это меня разозлило окончательно.

Фея стояла внизу и гадко улыбалась. Башня из ее чемоданов и шляпных коробок опасно балансировала на крыше «Богомола». Я от всей души пожелала, чтобы все это рухнуло, явив взору лорда и ее панталоны (не все же мне одной!), но этого так и не произошло. Наверное, всему виной волшебная золотая пыльца.

«Ох, где ж я нагрешила», – подумала, безуспешно пытаюсь нащупать ногой следующую ступеньку. Ничего не получилось. Я обернулась и с ужасом поняла, что ступеньки кончились, а до земли еще...

– Прыгайте! – донеслось снизу. – Прыгайте, я вас поймаю! Ну!

Я с подобным планом была не согласна категорически, но пальцы сами разжались.

– А-а-а!

– Поймал. – Сильные, крепкие руки прижали к себе.

Лицо чудовища. Совсем близко. Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Оказалось, что они у него карие, с янтарными крапинками. Или это солнце бьет в глаза?

– Может, подадите мне руку?

Мы оба вздрогнули. Лорд Харди поставил меня на землю (сказать, что не особо аккуратно, – ничего не сказать) и бросился к фее.

– Конечно! Простите мне мою оплошность, уважаемая. Сожалею, что вам пришлось пережить такое, но уверяю, в поместье вы сможете отдохнуть и набраться сил... Сюда, по-

жалуйста! Осторожно! Не споткнитесь.

Харди рассыпался в комплиментах, ни разу не обернувшись в мою сторону. Зря! Меня вот никто не предупредил о том, что дорога вся в рытвинах и камнях, поэтому я то и дело спотыкалась.

– Аккуратнее можно? – проворчали из саквояжа.

– Стараюсь! – буркнула я.

Наконец мы вошли в замок, и я поняла, что приключения, оказывается, только начинаются. А еще что я – фея. Фея чистоты! Да, да, я – Анна Огнеева, девушка, ненавидящая убираться и испытывающая по этому поводу настоящий комплекс неполноценности. Да я просто не видела замок милорда Харди! Оказывается, моя скромная московская квартира сияла первозданной чистотой и была настоящим образцом порядка.

Клубы пыли. Нет. Не так. Горы пыли! Тонны пыли... Тут не справится даже самый мощный пылесос. Да тут ВСЕ сотрудники «Феи чистоты» не справятся! Интересно, у них в Ганглии есть клининговые компании?

Есть. Я. Я – клининговая компания. Меня ведь сюда пригласили, чтобы...

В такой растерянности я не была даже тогда, когда узнала, что в загородный замок известного певца наша компания так и не явилась перед ответственным мероприятием. Перепутали дни. В то лето был настоящий бум, сильные мира сего закатывали вечеринки, словно ждали конца света и про-

щались со сладкой жизнью навсегда. Бывало, приходилось и помогать – правда, я большей частью руководила. Чего я только не видела! Чего только... Но то был родной хлам и мусор. Идентифицировать и принять решение, что с ним делать, было легче. А тут...

Темное, потускневшее серебро. Кажется, его надо натереть? И ведь не загуглишь, чем лучше чистить. Как уже было сказано, горы пыли. Книги. Остатки еды. Тряпки какие-то... А окна! Огромные окна в готическом стиле грязны настолько, что сквозь них не пробивается свет. С люстры свисает паутина. В замке наверняка и мыши есть...

Фея чихнула, и злое колдовство замка на мгновение как будто рассеялось. Я немного пришла в себя. Мой саквояж тоже чихнул. Неужели пыль и туда просочилась? Или Букля услышал мои мысли? По крайней мере, теперь ясно, куда подевались горничные лорда Харди: мумифицированные тела несчастных наверняка погребены в недрах необъятного хлама. Что, если, разгребая завалы, я на них наткнуусь?

Мамочки.

Настоящий замок Синей Бороды! Нет, правда... Харди – маньяк. Убивает горничных, а логово свое не убирает, чтобы запутать следствие. Разве можно здесь найти какие-то следы? А Джек Потрошитель явился за мной и феей из милосердия – убить до того, как мы сюда попадем, чтоб не мучились.

Странно, но сам Синяя Борода (простите, лорд Харди)

одет был чисто и опрятно – даже туфли блестят. Магия, не иначе. Ох, не нравится мне все это. Совсем не нравится! Лучше бы я попала в лапы похотливому судье. Мы бы с Буклей придумали, как с ним справиться.

– Добро пожаловать домой, милорд.

Из темноты выплыл, шаркая и подволакивая ногу... дво-
рецкий. Я сразу поняла, что это именно он. В белоснежных перчатках, седой, старый и преданный. Такой... идеальный образ. Именно он в известном анекдоте открывает дверь и говорит: «Темза, сэр!»

Старик появился будто из ниоткуда, но оно и понятно: он-то знает замок как свои пять пальцев. В этой мрачной обители грязи наверняка полно сюрпризов – потайных дверей, шкафов и прочих хитростей. Вот так примешься книжки протирать, и все... Замуровали.

Нет, так не пойдет. Не знаю как, но нам с Буклей нужно отсюда сматываться. И ведь не хотел же лорд меня брать! Давал шанс. Точно. И как это я сразу не догадалась? Он дает жертве самой выбрать свою судьбу.

– Грегор, фея – наша гостья. Размести госпожу в лучших покоях.

– Слушаюсь, милорд.

Крылья «гостьи» светились золотой пылью, выглядела она уже не такой бледной. Должно быть, пришла в себя.

– Я не гостья. – Фея протянула Харди свиток с печатью. – Венди Беллс, к вашим услугам, милорд.

Что? Венди Беллс? В памяти тут же всплыла рождественская песенка и все западные новогодние фильмы разом, добрые, наивные. «Джингл беллс, джингл беллс, тра-та-та-там...» Получается, фея и правда... «Динь-динь»?

Из-за ее имени я, кажется, упустила самое главное. Что она сказала? «К вашим услугам, милорд»?! То есть... Я внимательно посмотрела на крылатую. Губы поджаты, глаза в пол, уши сиреневого цвета. Тут явно что-то не так.

– Простите? – Глаза хозяина замка полыхнули тьмой и гневом.

Фея отшатнулась. Стало тихо-тихо. Мне вдруг показалось, что его манеры истинного джентльмена, одежда, трость – все ненастоящее. Маска. Удобная, красивая, но совершенно не соответствующая тому, что внутри. Зато взгляд... Колочий, резкий, подозревающий весь мир в предательстве – вот это, пожалуй, чудовище как оно есть.

А глаза у него красивые. Очень. Карие и такие...

– Хр-р-р...

Букля пнул меня в живот сквозь стенку саквояжа. Вовремя, между прочим. Не о том думаешь, Аня. Думать надо, как в живых остаться.

– Прчитите. – Фея, разом растеряв все свое высокомерие, отступила назад, поближе к Рыжему.

– Любопытно, – ледяным тоном протянул лорд Харди и сломал печать.

Из нее вырвались всполохи ледяного огня, облепили сви-

ток и исчезли. Кроме меня им, правда, никто не удивился. Что это? Магия фей? А если бы письмо открыл не лорд Харди? Огонь бы его сжег? Или?..

– Любопытно, – вновь повторило чудовище, пожирая глазами то, что там было написано. – Выходит, Совет Фей отправил вас в качестве моего секретаря? Но я просил консультанта! Фею, которая могла бы...

Тут он закусил нижнюю губу и замолчал. У меня от любопытства даже нос зачесался! Сколько можно говорить загадками? И что там в письме?

– Но секретарь, – воодушевился Рыжий, – как же замечательно! В бумагах давно пора навести порядок. Плюс отчеты Ее Величеству. Уважаемой фее можно будет поручить...

– Закрой рот! – рявкнул лорд, и свиток исчез в голубом огне. – Бумаги секретные. В беспорядке они исключительно по причине твоей лени. То же могу сказать о нежелании печатать отчеты! С этого момента я лично стану контролировать...

И тут до меня дошло. Секретарь! Это, конечно, не горничная со всеми вытекающими, но и не гостья! Это... та же прислуга. Выше статусом, чем я, но...

Я уже открыла рот съязвить что-нибудь в крылатую спину, но свин снова пнул меня через саквояж, и я его уронила. Грохот тут же привлек к нам внимание.

– Итак, – тяжело вздохнул лорд. – Что мы имеем? Горничную, которая мне не нужна, и фею-секретаря, которую я не

могу допустить к документам ни при каких обстоятельствах. Изумительно!

Он в раздражении стукнул тростью об пол и удалился, подняв кучу пыли. Дворецкий, шаркая, поплелся следом, Рыжий, похоже, удрал еще раньше.

Мы остались в холле неприветливого замка одни – я и фея, не считая Букли.

И что нам теперь делать?

Глава 6

Мы постояли, посмотрели друг на друга. У феи дрогнули губы, словно она хотела что-то мне предложить. Но...

– Прошу за мной.

Надо же, дворецкий появился неслышно, как будто вынырнул из тени. И фея уже не смотрела на меня.

Я осталась одна посреди огромного, мрачного, погребенного под слоем пыли холла замка лорда Харди. Дворецкий – живое олицетворение архетипа (кроме всего прочего, не будем забывать, что «убийца» тоже дворецкий), – медленно шаркая, величественно удалился наверх. Фея – за ним. За феей – длинная вереница огромных чемоданов и шляпных коробок. Чемоданы плыли по воздуху, словно киты в окружении рыбок-прилипал. Крылатая, оказывается, запросто могла обойтись и без грузчиков, но предпочла, чтобы ради нее расстарались. Что ж, я не удивлена. Вполне ожидаемо. Все-таки мерзкий у нее характер.

Чудовище – тот тоже исчез. Расстроился, бедный. Горничная не угодила, секретарь не подошла. Наверное, заливают теперь свое горе виски умопомрачительной выдержки и баснословной цены где-нибудь в своем личном кабинете, таком же пыльном и грязном.

Даже выпить захотелось от подобных мыслей.

Интересно, сколько комнат там, наверху? Четыре? Пять?

Восемь? Замок, судя по всему, немаленький. Я попыталась вспомнить, как он выглядел с высоты птичьего полета. Одних только башен насчитала четыре! Или пять? В общем, сгину я тут... Сгину, как мои предшественницы.

«Из поместья еще никто не возвращался! Вы об этом знаете? Вам страшно? Хоть пару слов, пожалуйста!» – в памяти вновь всплыли крики журналистов.

– Не о том думаешь! – Застежка саквояжа щелкнула, и оттуда показался розовый пяточок.

– Букля! Чтоб тебя... Напугал до полусмерти.

– Нервишки расшалились, Энн-неудачница? И правильно! Влипли мы с тобой, вот что я тебе скажу. Сильно влипли!

– Ты об этом? – Я с грустью обвела рукой вокруг себя. – Даже не знаю, возможно ли это все отмыть за... неделю? Месяц? Год?

– Говорю же, не о том думаешь! Ты что, так ничего и не поняла?

– О чем это ты?

– Фея!

– Ну, она... та еще штучка, конечно. А что?

– А то! Ее сюда на исправительные работы отправили, улавливаешь?

– Нет.

– Очнись, Энни! Она преступница! Нам конец!

– Ну и что? Я здесь тоже. По той же самой причине. И я не собираюсь никого убивать. И вообще причинять вред

кому-либо. Меня больше волнует, что делать со всем этим хламом.

– Нашла из-за чего переживать! Во-первых, фея, имеющая проблемы с законом, – это вовсе не то же самое, что одна бестолочь из иного мира, угодившая на исправительные работы исключительно по собственной глупости.

– Я бы попросила! Между прочим, я здесь из-за тебя!

– Да ты что? Уверена?

– Да! Тебя никто не просил превращать парик в свинью! В смысле... превращаться в свинью из парика! То есть... Тьфу ты!

– Я же говорю – бестолочь. Даже не можешь сформулировать суть недавних событий... Да. Не думал, что все настолько плохо. Опустим, кто в кого и зачем превратился. Лучше напряги мозги и подумай хорошенько, где бы ты сейчас была, если бы я в него, а он в меня не превратился? А? Молчишь? То-то же.

Я молчала. Молчала, потому что, как ни крути, а Букля прав. Не случись это нечаянное колдовство, я была бы в лапах похотливого судьи – беззащитной, бесправной игрушкой (ставлю на что угодно – сексуального характера).

Фу-у-у... Даже представить страшно!

– Фей наказывают только в двух случаях, – продолжал поросенок просвещать меня, бестолочь неразумную. – Первое – они использовали запрещенное черное колдовство с особой жестокостью в корыстных целях.

Внутри все похолодело. Я сглотнула. В мертвой тишине, где все прочие посторонние звуки поглощал толстый слой пыли, получилось громко.

– А... второе? – прошептала я, глядя в безжалостные глазки-бусинки собственного фамильяра.

– А второе – самое страшное!

– Страшнее, чем черное колдовство?

– В разы! Фей пристраивают на службу в случае, если они не контролируют свою магию. Не способны освоить колдовские приемы, к примеру. Эдакие феи-неумехи. Или если магия у них не проявляется никак, что совсем плохо.

– Почему?

– Потому что фей без магии не бывает, запомни! Такое существо – настоящий ходячий взрывной механизм!

– Ящик Пандоры, – кивнула я, вспомнив мифологию, но понимая, что Букля об этом ничего знать, конечно же, не может, он ведь не...

– Феи да хранят королеву Витту Мудрую, – закатил свин глаза, хрюкнув от возмущения. – И ты туда же? Девчонка открыла шкатулку, подумаешь! Не верь бабкиным сказкам, Энн. Ну вылетела оттуда парочка зловредных духов. Между прочим, Панни была способной ученицей и мастерски загнала их обратно! Никто даже не пострадал. Стоило из этого делать такую шумиху?

– погоди... Ты?... Ты что...

– Энн Файер? Пройдемте со мной, – раздалось за спиной.

Мы с Буклей так увлеклись, что не заметили дворецкого. Я обернулась, вновь восхитившись тем, каким... классическим дворецким был этот персонаж!

– А... куда?

– Лорд Харди велел вас разместить. Вы, видно, устали с дороги. Прошу за мной.

Я кивнула, прижимая к себе саквояж. Хорошо, что Букля успел спрятаться. Кажется, дворецкий его не заметил, хотя... По его непроницаемой физиономии не поймешь. Я шагала следом, думая о том, что и впрямь устала. Хорошо бы помыться. И поесть. Между прочим, чудовище обещало легкий ужин! И где? Надеюсь, меня разместят с ком... фор... том...

Мы остановились у низенькой дверцы под лестницей. Дворецкий открыл ее так, будто она вела в роскошную балльную залу, и, слегка поклонившись, пропел:

– Прошу! Располагайтесь. Ужин подадут ровно в семь. На кухне.

– Погодите... Это... Здесь вы храните хозяйственный инвентарь?

– Что, простите?

– Ну... тряпки, швабры. Вы их здесь храните?

– Нет, нет. Это наверху. Лорд Харди просил не утруждать вас в первый же день. Хозяин вежлив. Заботлив. Великодушен и справедлив. Завтра я покажу вам все необходимое для работы. А пока – располагайтесь. Добро пожаловать в поме-

стве лорда Харди.

После этих слов дворецкий медленно повернулся и зашаркал прочь.

Я смотрела, открыв рот, пытаюсь осознать тот факт, что «заботливый, справедливый и великодушный» хозяин роскошного (пусть и очень грязного, конечно, но места-то тут хоть отбавляй!) поместья поселил горничную... в чулан. Чулан под лестницей, как... как Гарри Поттера!

– Чудовище! – возмущенно выдохнула я и, согнувшись в три погибели, протиснулась в крошечное, такое же пыльное, как весь этот ненавистный замок, темное помещение. – Апчхи!

– Хрю...

– Точнее и не скажешь, – выдохнула я, прижимая Буклю к себе.

Мы оба, я и мой друг-поросенок, взирали на горы пыли вокруг, подсвечник с обугленным огарком (волосок с «париковых» ушек покрутился в воздухе и зажег свечу) и не очень чистый матрас на сколоченном из досок спальном месте. Это было именно «спальное место»: назвать сей хлипкий на вид объект «кроватью» язык не поворачивался. Пара криво прибитых полок и несколько торчащих гвоздей должны были, видимо, служить заменой шкафу. И самое неприятное: в чуланчике не было удобств.

– Да... душ принять не получится.

– За... ду... шиш-ш-шь...

– Ой! Прости.

От волнения я сжимала малыша все крепче, даже не отдавая себе в этом отчета. И что нам теперь делать? Тут... Да тут просто развернуться негде! Один шаг – и колени упрутся в этот... как его... топчан? Остается только свернуться калачиком и заснуть.

Но почему? Почему я... то есть мы. Мы с Буклей. Почему мы должны это терпеть? Да, я приехала сюда в качестве прислуги, но приехала не куда-нибудь, а в роскошное поместье к зажиточному вполне себе хозяину. Да, он (в смысле хозяин) – настоящее чудовище. Во всяком случае, что касается характера – так уж точно. Да, замок немного не прибран, однозначно нужна влажная уборка, но он же и прекрасен!

Четыре башни. Или три? Нет, кажется, все же четыре. Лестница на второй этаж с резными перилами. Жаль, не удалось рассмотреть получше. Под этой лестницей нас, кстати, и поселили.

– Стоп! – взвизгнул Бенджамин Ульрих Клементий Лаврентий Ясновидящий, уставившись в стену напротив.

Минипиг давно уже слез с рук и топтался по покрытой паутиной тумбочке с огромной трещиной в дверце. Бедняга. Такой унылый вид кого угодно доведет до нервного срыва. Тем более свинью из старинного рода славных фамильяров! Его даже фея сразу признала. У него, наверное, шок.

– Послушай, – попыталась я успокоить малыша. – Уверена, это какая-то ошибка. Дворецкий старенький. Может, пе-

репутал что. Может, видит уже плохо. После ужина поговорим с хозяином. Наверняка он...

– Что? Улучшит условия нашего с тобой проживания? Даже не надейся, рыжая! Он – чудовище, ты еще не поняла? Нет уж. Тут каждый сам за себя, ясно? Лучше вспомни, о чем ты только что думала? Перед тем, как я сказал «Стоп». Ну?

– Ну... А что?

– Магия. Магия просыпается. Я чувствую. О чем думала, Энни? Вспомни.

– О том, что у лорда Харди чудесный замок.

– Смотри! – Глазки-бусинки уставились в стену.

– Ох! Букля... что это?

– Пока не знаю, – отозвался минипиг.

Его украшенные тугими локонами судейского парика ушки слегка подрагивали, и вообще фамилльяр был очень сосредоточен. Я же ждала, что он скажет.

В стене зияла дыра. Однажды я смотрела фильм. Дома, по НТВ. В один из тех дней, когда после рабочей недели лежишь пластом с чашкой какао и таращишься в телик непонимающим взглядом. И не потому, что делать нечего. А потому, что... в общем, лень. И усталость такая, что даже не можешь заставить себя за нее поругать. В том фильме один парень открывал порталы в иной мир с помощью баллончика краски. Очень удобно: нарисовал дверь – и иди! Что-то похожее сейчас было прямо перед нами. Проход. Проход в стене. Чувствуя себя Алисой из Страны чудес, я подошла со-

всем близко и умоляюще посмотрела на Буклю. Мне очень хотелось туда пойти!

– Ладно! – Поросенок прыгнул мне на руки, и мы нырнули в неизвестность.

Неизвестность оказалась куда комфортабельней чулана под лестницей! Настоящий люкс! Огромная кровать застелена чистым бельем. Рядом – комната с ванной на львиных ножках, наполненной горячей водой. пышная мыльная пена сияет радужными искорками, а запах! Пахло ванилью и чем-то еще. Просто... восхитительно. Мягкий белоснежный халат, полотенца, баночки со всякими средствами.

От желания поваляться в горячей воде даже голова зачесалась. Как было бы здорово смыть с себя все тяготы последних дней. Подумать только, сколько всего произошло!

– Ты – первая. Потом искупаешь меня, и спать! – мечтательно хрюкнул Букля.

– А... как же ужин?

– Прости. Забыл, что тебе нужна еда. Ладно. Вымоешься, приведешь себя в порядок и сходишь на ужин. Может, узнаешь что интересное. Помни: нам с тобой тут выжить нужно, поэтому слушай и запоминай! Мне потом расскажешь.

– Но как же я попаду обратно? Мы ведь даже не знаем, где мы. Портал. Он закрылся!

Я в ужасе показала пальцем на стену, сквозь которую мы только что прошли. Она стала совершенно обычной!

– А, это... Не переживай. Понимаешь... Как бы тебе это

объяснить?

– Даже не пытайся, милый!

За спиной послышался тихий хлопок, а после него – знакомый до зубовного скрежета голос:

– Таким, как она, объяснять подобные вещи бесполезно! Все равно не поймет, – отмахнулась фея, взмахом волшебной палочки раскрывая огромный чемодан, который, по всей видимости, прибыл в наши с Буклей чудесные, роскошные апартаменты вместе с ней.

– Что вы здесь делаете? – проворчала я.

Было обидно. Неужели все это Чудовище приготовило для нее? Внутри все вскипело. Гнев. Ревность. Мамочки... Ревность-то откуда взялась? Ладно, разберемся. Не в этом суть. А в том, что это наше с Буклей место! Мы его первые нашли!

– То же, что и вы, полагаю, – фея пожала плечами. – Хочу привести себя в порядок. Я бы попросила тебя почистить платье, но... боюсь, ты мне его испортишь. Придется воспользоваться магией.

Мерзавка улыбнулась и исчезла в ванной, сверкнув крыльями и хлопнув дверью. Мы с Буклей переглянулись.

– Вот гадина! – зашипела я, прижав к себе Буклю.

– Кх-х-х... Кхе-е-е...

– Ой, прости! Опять я тебя чуть не задушила.

– Ты слишком эмоциональна.

– Еще бы! Она явилась сюда так, как будто...

– Ты злишься на то, что она притащилась сюда и помешала

твоим планам. Но это ровным счетом ничего тебе не дает!

– Э-э-э... О чем это ты?

– В твоём мире все такие умные? Или ты особенная?

– Я особенная, – огрызнулась, чувствуя, что в этот вечер все против меня, даже Букля.

– Думать надо не о том, что она сюда явилась. Думать надо о том, ПОЧЕМУ она это сделала?

– И... почему?

– Да потому, что ее условия проживания, скорее всего, не лучше нашего. Смекаешь, бестолочь?

– Не совсем.

– Выжить вас хочет этот Харди, вот что я тебе скажу. И сдаётся мне, девочки, если не освободите помещение добровольно, то...

– Букля!

– А что я? Сама подумай. Недаром же никто отсюда не возвращался?

Глава 7

За дверью стихло. Ни шороха снимаемой одежды, ни довольных, счастливых вздохов (которые я бы наверняка издавала, погрузившись наконец в горячую воду с ароматной мыльной пеной).

– Простите? – Я подошла к двери и тихонько постучала. – С вами все в порядке?

Молчание. И вдруг...

Шлеп! Раздался странный звук, словно лопнул мыльный пузырь. Очень большой мыльный пузырь.

Мы с Буклей переглянулись.

– Хрю...

Розовый пяточок сморщился и втянул воздух, словно поросенок пытался унюхать то, что осталось от феи.

Мамочки! Что с ней?

Фея, конечно, существо зловредное, но, если разобраться, она – единственная, кого я знаю в этом огромном пыльном замке. Ну, не считая Букли, конечно. Вздыхнув, я решительно взялась за ручку двери. Будь что будет – нельзя же оставить ее в беде!

– Эnn! – Поросенок схватил меня за юбку и что есть силы рванул кусок ткани на себя.

– Крак! – затрещал мой и без того многострадальный подол, и ткань лопнула.

– Ты... ты чего?

– Я? Это ты куда лезешь?

– Пусти! Ей нужна помощь!

– Кому? Фее? Помощь нужна тем, кто встанет у крылатой на пути, – запомни раз и навсегда, бестолковая Энни!

– То-то призрак ее испугался! – не сдавалась я, уперев руки в бока. – Да если бы не мой саквояж...

Минипиг сел на задние лапки и тяжело вздохнул, потряхнув плотно завитыми буклями парика, что по-прежнему красовался вместо поросячьих ушек.

– Ладно, – нехотя согласился мой розовый друг. – Тут твоя взяла. Призрак – единственное существо среди миров и их отражений, которое действительно способно погубить набирую волшебной пылью голову. Ты спасла ее, Энни. Спасла от неминуемой мучительной смерти. И что? Где благодарность? – Букля от возмущения топнул копытцем об пол, подняв облако пыли.

– А... апчихи!

– Вот именно, к феям хвори!

– Что?

– К феям хвори. Так говорят, когда кто-то чихает. Ты что, с луны свалилась?

– Из отраженья провалилась!

– Прости. – Поросенок бросил на меня виноватый взгляд. – Вместо благодарности этот златой пылесборник отнял у нас купальню вожденную!

Но я уже открывала дверь.

Феи не было. Ванна по-прежнему манила горячим паром и нежным лавандовым запахом, однако лично мне купаться резко расхотелось. Что, если это ловушка?

– Смотри! – прошептал Букля.

Чемоданы феи на наших глазах превращались в мыльные пузыри и лопались, переливаясь радугой.

– Надо бежать, – предложил Букля, вновь схватив меня за то, что осталось от прорванного платья.

– Нет! – Я, рассердившись, выдернула кусок ткани, да так резко, что Букля едва не упал. – Как же ты не понимаешь? Мы должны ее найти. Кроме нас, ей надеяться не на кого.

– Скажите пожалуйста! Маленькая, несчастная, беззащитная... ФЕЯ! Энн, пойми же наконец! Тебя ослепил успех, когда ты справилась с призраком. Думаю, потому и справилась, что понятия не имела, насколько они опасны! До тебя никому в голову не приходило огреть саквояжем потустороннюю сущность... по голове.

– Эффект неожиданности?

– Он самый. Но фея, она...

– Ба-а-а-ам!

Замок вздрогнул, а мы с поросенком бросились от страха друг к другу, вмиг позабыв о том, что так отчаянно спорили еще мгновение назад.

Я уже жалела о саквояже, что остался в камерке под лестницей. Сейчас бы он мне ох как пригодился!

Шелест приближался, словно по старинной растрескавшейся плитке купальни ползла огромная змея. Мы осторожно выглянули из-за двери и увидели...

Фею!

Отряхнув крылья (влажный от пара пол тут же покрылся золотой пылью), она подошла к ванне и... с гулким хлопком исчезла вновь.

Чего магическому существу было не занимать, так это упрямства. Мечтающее о водных процедурах крылатое создание исчезало и появлялось вновь. Нам же оставалось только смотреть. Застыв, я и свин следили за странным поединком феи с...

Кем?

Мечты о том, чтобы наконец-то привести себя в порядок, таяли на глазах. В шаге от меня остывала вода.

– Бам-м!

С каждым хлопком начинался новый раунд. Силы были равны. Не хватало лишь попкорна. Интересно, во времена безутешной королевы Виктории, антисанитарии и убийств, таящихся в тумане над зловонной Темзой, жители Лондона знали, что такое попкорн?

Потрепанная, но непобежденная соискательница должности секретаря лорда Харди раз за разом врывалась в ванную. Локон из растрепанной прически упорно падал на глаза, и она дула на него, как... как совершенно обычная рассерженная женщина, уставшая от повседневных забот, ленивого му-

жа и вечно орущих детей. Вся утонченность куда-то улетучилась.

«Все же женщина есть женщина, – подумала я. – Даже если она – фея».

– Защиту ставь! Ну! Не сдавайся! – Букля явно болел за фею. А ведь совсем недавно говорил, что хуже феи только долгая, мучительная смерть. Предатель!

Фея пыталась колдовать, но у нее ничего не получалось. Отчаянные попытки задержаться в купальне дольше минуты результата так и не дали.

– А зачем она... Зачем она вообще это делает? – я наконец задала Букле вопрос, который все это время вертелся на языке, не давая покоя.

– Фейское упрямство воспето в легендах, – авторитетно заявил свин, уважительно подняв маленькие глазки-бусинки к потолку, которого из-за радужных мыльных пузырей уже было не видно.

– Это понятно. Но...

– Ба-ам!

Опять... Что-то во всем этом было... странное. Фея вела себя так, как будто... как будто... И тут меня осенило:

– Букля!

– Что?

– Она нас не видит!

– Хм-м... А ты не безнадежна, рыжая! Она и впрямь нас не видит. Интересно почему?

– Замок... Мне кажется, он обладает некой силой, – прошептала я, и, перехватив одобрительный взгляд Букли, решилась высказать еще одно предположение: – Почему она так упорно хочет именно сюда? Ей же дали комнату?

– Пошли!

Минипиг подмигнул и вылетел в коридор, я – за ним. Мы застыли, прислушиваясь, и вскоре были вознаграждены: совсем рядом послышался знакомый хлопок.

– Туда! – Охваченная азартом, я рванула на звук.

Не видящая нас (как я и предполагала) фея пронеслась мимо, словно рассерженный шмель.

– Тут их несколько, – задумчиво склонил голову Букля, рассматривая выстроившиеся в ряд по коридору двери.

– Вперед, – скомандовала я, на ходу распахивая их одну за другой.

Комната феи (судя по разбросанным чемоданам, еще хранившим следы мыльной пены) была последней. Мы зашли и... захохотали, сложившись пополам.

От чулана под лестницей апартаменты будущего секретаря мало чем отличались – темная, пыльная комнатуха с растрескавшейся, покосившейся мебелью. В углу, правда, была ржавая раковина. Из крана капала вода.

– Как я и предполагал, хозяин делает все, чтобы выгнать обеих, – нахмурился Букля. – Интересно... зачем ему это надо? Жилище ведь явно нуждается в уборке. Сокровища он прячет в пыли, что ли?

Я ласково коснулась шершавой холодной стены. Странно. Вообще-то я равнодушна к старым зданиям. По крайней мере, раньше мне так казалось. Возможно, как раз потому, что ненавижу убираться, чистить и мыть. Но самой ведь мне хочется помыться? Одежду я всегда содержала в порядке. Посещала салон красоты, следя за тем, чтобы прическа и маникюр выглядели достойно. С одной стороны, это часть моей работы. Фирма сотрудничала с важными клиентами, нередко очень богатыми, состоятельными людьми. Важно было произвести приятное впечатление. То есть себя я содержала в чистоте, а место, в котором живу, – нет.

Разве логично?

Если верить психологам, подобное поведение – результат детских комплексов. Подростковый протест, поселившийся в подсознании с тех пор, как мама заставляла убираться? Какая чушь...

Здесь, в этом странном мире, я чувствовала, что грязный, заброшенный замок, он словно... живой. И наверняка ему неприятно оттого, что он такой грязный. Я впервые ощутила вину перед собственной квартирой там, в Москве. А мой стол в офисе? Он вечно был завален бумагами. В ящиках – фантики от конфет, надорванные пакетики с сахаром, даже огрызки яблок.

Кошмар. Мне вдруг стало стыдно. До сих пор меня все это совершенно не волновало. Ну, разве что перед приездом тети.

– Бедный, – прошептала я, обращаясь к замку лорда Харди. – Такой красивый и такой заброшенный. Покажешь, где у тебя тряпки и ведра?

Я подумала о том, найду ли здесь все необходимое. Жидкость для чистки зеркал и окон, что не оставляет разводов, к примеру. У меня ничего нет! Ни «Пемолюкса», ни «Мистера Пропера». Хотя они вчерашний день. Мы в «Фее чистоты» давно уже перешли на более дорогие, эффективные средства.

– Так это ваши шутки?! – раздался у меня за спиной разъяренный голос.

По тону крылатой было понятно: жить нам с Буклей осталось несколько секунд. Что нам оставалось? Только обняться и зажмуриться. Даже я со своим неумным оптимизмом это понимала.

Ба-а-ам!

Над головой гроыхнуло, зазвенело и рассыпалось, облепив лицо и руки словно...

– Вот это да! – вырвалось у меня, когда, осторожно открыв глаза, я осознала: мир вокруг заиграл золотой, искрящейся пылью.

Пыльца осела на ресницах, из-за чего от намернувшихся от блеска слез разбежались волны янтарных лучиков. Нас с Буклей тонким слоем покрыла позолота, превратив в сверкающие статуи. Я вспомнила, что во многих городах моего мира покрытые золотой краской актеры изображают пантоми-

мы. В детстве мне так хотелось попробовать! Похоже, мечта сбылась. Пыльца-то волшебная.

Я крутилась, жалея о том, что в комнате если и есть зеркало, то под слоем пыли все одно не увидеть подобную красоту. А Букля-то, Букля! Минипиг походил на свинью-копилку миллионера пятьсот восемьдесят пятой пробы. Жаль, телефона под рукой нет. Селфи сделать. Золото нам к лицу, заberi меня фея прямиком к Джеку Потрошителю!

– Как ты это сделала? – хором спросили меня крылатая женщина и золотая говорящая свинья.

Что?! Я? Я сделала? Народ, вы серьезно? С другой стороны, какой народ, такие и вопросы, но как вообще подобное пришло им в голову?

Однако обе известные мне персоны вид имели настолько обескураженный, что я поверила. Как Станиславский. Букля, тот аж побледнел под золотой пылью. Оба выглядели так, словно столкнулись с колдовством неимоверно крутого уровня.

Я настолько удивилась, что даже вертеться перестала. Юбка моя совершенно неожиданно стала целой, и шва не осталось. Это радовало, конечно, но... Если это не фея и не мой волшебный хрюкающий друг, то...

Кто же это?

Если честно, была одна мысль. И только я собралась ее хорошенько обдумать, как легкий теплый ветерок мягко сдул с лица остатки пыли.

«Спасибо... замок!» – мысленно поблагодарила я особняк лорда Харди, но решила пока ничего никому не рассказывать. Что, если я ошибаюсь? Меня же на смех поднимут. Букля опять назовет бестолочью, а эта... Ей я вообще не очень-то доверяю.

– Посмотрите-ка на нее! – Фея капризно топнула ножкой. – Делает вид, что не знает!

– Энн. – Черные глазки-бусинки поросенка стали очень серьезными. – Нас должно было развеять. В эту самую пыль.

Он затряс головой, и с белоснежных локонов судейского парика взметнулись к потолку золотые вихри! Я застыла, любясь и одновременно пытаюсь осознать, что только что узнала.

– Я погорячилась, – фея вздохнула. – Но так издеваться, как вы...

– Да не мы это!

– А кто? – фея рассерженно кивнула на свои «покои».

Я уже открыла было рот, чтобы рассказать о том, что нас вообще сослали в чулан под лестницей, но Букля боднул в щиколотку. Я замолчала, стараясь не шипеть от боли. Вот ведь... свинья какая! Но фамилляр прав: она нас чуть не убила, а я тут откровенничаю.

– В общем, ваше магичество, мы это... пойдем.

Поросенок поклонился и начал решительно отступать к двери, а я – за ним. Сопротивляться не было смысла, меня словно кто-то тащил к двери! Наверное, это магия Букли.

Он, кажется, говорил, что ею питается?

– Идите! – Фея величественно взмахнула рукой, ни дать ни взять английская королева, прерывающая аудиенцию с нерадивыми подданными.

Еще несколько шагов – и мы в коридоре.

– Фух. – Букля сел на пол. – Живы.

Я посмотрела туда, где в ванной манила остывшая, но чистая вода, и решительно повернула обратно.

– Стой, – подпрыгнул минипиг, бросившись следом. – Куда?

Но я уже стучала в комнату феи. Никого нельзя бросать в беде. Особенно тех, кто в отчаянии. Даже если тебе известно, что это – зловредная фея. Один раз я ее спасла. Не для того же, чтобы она с горя повесилась в этой мрачной каморке, не выдержав бытовых условий.

И вообще. Мы в ответе за тех, кого приручили. Минипигу не понять, он не читал Экзюпери.

– Да?

Голос феи был глухим и недовольным, но я услышала в нем крик о помощи.

– Могу предложить помочь с уборкой, – неуверенно начала я.

Если мне сейчас начнут песню о том, что я – горничная и обязана... Уйду. Но с чистой совестью.

– Спасибо. – Дверь с жалобным скрипом отворилась, при этом фея не двинулась с места – она так и сидела на краешке

кровати, опустив плечи. – Но я никогда не...

– У меня с этим тоже проблемы, – кивнула, поняв подругу по несчастью без слов. – Но попробовать стоит. Нам бы ведра и тряпки.

Инвентарь нашелся в кладовке под лестницей, рядом с той, где меня поселили. Мы обе, пыхтя, терли на совесть в четыре руки, решив, что для общего дела временное перемирие – во благо. Букля молчал, никак не комментируя происходящее. Уже через полчаса наши платья пришли в совершеннейшую негодность. Наряды можно было выбрасывать, а поросенка – отмывать в ста водах, потому как даже при более чем пассивном участии в уборке пыль к нему так и липла.

Тем не менее труды наши были вознаграждены! Комната феи блестела и пахла свежестью. На стене мы обнаружили огромное старинное зеркало. Сейчас оно отражало двух барышень и минипига, в полном изнеможении сидевших на полу не в силах пошевелиться.

– И что у вас за дурацкая система магии? – возмутилась я. – Нет бы, взмахнул волшебной палочкой – и... все! Чисто!

– Магия не для этого, – важно проговорил поросенок.

– А для чего?

Вот были бы здесь магические пароочистители, пылесосы... Разве не для этого существует волшебство? Мне вспомнился старый диснеевский мультфильм про Мерлина. Там тарелки и чашки сами плескались в мыльной воде, а швабра танцевала, прочь прогоняя пыль! Что до Белоснежки, так

той повезло еще больше: за нее отдувались белки с птичками.

– Магию не тратят попусту, – поддакнула фея. – Ее используют...

– Людей в крыс превращать, – перебила я, вспомнив о журналисте.

– Хотя бы, – ничуть не обиделась крылатая. – Между прочим, очень сложное заклинание.

Букля уже с пару минут как изображал пантомиму, намекающую, что надо бы закрыть рот и сваливать, пока оба целы. Я спорить не стала, и мы откланялись.

С трудом переставляя ноги, добрела до «купальни вожденной», как выражался мой розовый друг. Перво-наперво дочиста оттерла малышу спинку щеткой и только потом принялась за себя.

Со вздохом блаженства опустилась в горячую (удивительно, но вода ни капельки не остыла – магия, не иначе!), пахнущую лавандой воду. Глаза сами собой закрылись, из груди вырвался стон:

– О-о-о-о-о-о-о...

– Что вы здесь делаете?! – прогремело надо мной.

Глава 8

– У... уби... рай... тесь... вон!

Я старалась не шевелиться. К счастью, пена все нарастала и нарастала, становясь плотнее и полностью скрывая тело от мужских глаз. Лорд Харди, склонив голову, хмурился и смотрел мне в лицо, избегая опускать взгляд ниже, – и на том спасибо.

– Вот так и вон? – вежливым, но не без сарказма тоном поинтересовался хозяин замка и... удалился, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Да что ж за день такой сегодня? Помыться и то не дают.

Прелесть водных процедур исчезла словно по мановению волшебной палочки. Валяться в ванне в голем виде расхотелось. Я поспешно вылезла, с опаской поглядывая на дверь, и замерла, соображая, во что бы одеться.

Собственное платье грязной уродливой кучей лежало на полу, зато рядом появились чистые полотенца! А ведь не было их, я точно помню.

– Спасибо, – прошептала я замку, надеясь, что меня слышат.

Завернувшись в мягкую ткань, тут же почувствовала себя уверенней. Однако проблему это, увы, не решало. Платье безнадежно испорчено, а у меня, к слову сказать, не так уж много нарядов. Надо как-то добраться до чемодана. Чемо-

дан. Интересно, где он? Я попыталась вспомнить, когда видела свой багаж в последний раз.

– Вы там как? Не утонули? – раздался из-за двери насмешливый тон лорда Харди.

Ах ты... Нет, вы только посмотрите, он еще и издевается! Чудовище.

– Нет, – ядом в моем голосе запросто можно было бы отравить всю Темзу.

Хотя, если вспомнить историю, Темза времен королевы Виктории и без того была отравлена. Трупы. Нечистоты. Плохо у них было с гигиеной. Совсем как в замке лорда Харди.

И как только я могла отправиться мыться, не озаботившись, во что оденусь?

– Просто «вон» и просто «нет»? – продолжали веселиться за дверью. – Разве не обязан я жениться? В каком-то смысле я вас скомпрометировал. Вам не кажется?

– Что?! – Мне стало дурно.

Я даже к порогу шагнула, чтобы объяснить, насколько не хочу замуж. На глаза попалась щетка. Старинная. С длинной ручкой и жесткой щетиной. Именно ею я терла минипигу спину. Жаль, нельзя промыть мозги лорду тем же способом. Изнутри.

– А вы... не хотите?

Голос за дверью стал обиженным. Расстроился?

– Ни в коем случае! – хотелось добавить что-нибудь еще,

но я сдержалась.

– Подумайте! Я владею замком и вполне приличным состоянием.

Вот это поворот! Он меня что, уговаривает?

– Замок прекрасен, – ответила я, поплотней завернувшись в мягкое полотенце.

«Мог бы и предупредить о появлении хозяина», – мысленно обратилась я к старым, пыльным стенам, с которыми успела подружиться. В ответ меня овеяло теплом. Как будто старый замок лорда извинялся.

Кажется, я начинаю медленно сходить с ума. Еще бы! Попасть в волшебный мир, отражение старого Лондона, оказавшись в компании крылатой феи, говорящего поросенка и чудовищно невоспитанного лорда! Тут кто угодно не выдержит.

А ведь совсем недавно я была менеджером преуспевающей клининговой компании в самом центре Москвы. Скорее всего, я лежу в больнице. В коме. И все это мне снится. Но что толку об этом думать? Надо выживать. Здесь и сейчас.

Итак, что мы имеем? Харди – хозяин замка. Замка, который каким-то непостижимым образом общается со мной. Или с моим разыгравшимся воображением? Не важно. Получается, замок ничего против хозяина сделать не может, потому и не помог?

– А как же я? Если хотите замуж, то говорить комплименты надо бы мне, а не обветшавшей рухляди.

– Я НЕ хочу замуж! – выпалила я, а про себя подумала:
«Сам ты рухлядь!»

За дверью рассмеялись.

– По крайней мере, вы оригинальны, леди...

– О, благодарю вас, – в тон, так же язвительно отозвалась я, думая о том, что грязные вещи надевать придется – другого выхода нет.

Поморщившись, протянула руки к сорочке, и вдруг...

Случилось чудо! Не пойми откуда явился вихрь золотой пыльцы и... очистил платье! Вещи стали свежее, чем были накануне, оставалось лишь гадать: кто мне помог? Замок или... фея? Пыльца, скорее, намекала на участие крылатой. Что ж, вполне логично – в конце концов, не я ли помогла ей отмыть комнату?

– Спасибо! – взвизгнула я от восторга, забыв о мужчине под дверью.

– А с кем вы тут разговариваете? – Дверь приоткрылась.

Испугавшись, я взмахнула щеткой на манер волшебной палочки и выпалила первое, что пришло в голову:

– Экспекто Патронум!

А что? Я, так же как и многие, с упоением читала «Гарри Поттера». Ничто человеческое преуспевающему менеджеру не чуждо, между прочим.

Не знаю, был ли хозяин замка стражем Азкабана, но, похоже, заклинание сработало.

Ба-а-ах!

– Ай-й-й...

Стены замка не пострадали. Уже хорошо. Я быстро оделась и осторожно выглянула из ванной, понимая, что за нападение на хозяина по головке не погладят.

Лорд Харди сидел у стены. Живой.

– Фу-ух, – выдохнула я с облегчением.

Мужчина тяжело поднялся, потряхивая головой, словно внутри ее сильно гудело.

– Это... ВЫ?

Он смотрел на меня так, словно впервые увидел.

– Я – это я, – пожала плечами.

– Ха-ха-ха... – мужчина принялся смеяться, вновь оседая на пол.

– Что вас так развеселило, лорд Харди?

– Не может быть... Вы горничная, что приехала на поезде вместе с феей, и... и... ха-ха-ха! И огрела саквояжем призрака? Вы смелая девушка, но я... ха-ха-ха! Я обознался! Решил, что в купальне – искательница приключений. Пробралась ко мне в замок в поисках романтических...

– Романтических... приключений?

Пожалуй, настала моя очередь смеяться до слез, но я все же сдержалась. Станный этот лорд Харди. Лучше не провоцировать не совсем здорового психически человека... Смотрел на меня в упор и... не узнал? Наверное, потому, что во все не обратил внимания на горничную – много чести.

– С целью соблазнить меня и стать хозяйкой замка. И бо-

лее чем приличного состояния. Что вас так удивляет?

– Но... Вас же все боятся!

– К сожалению, недостаточно, – лорд Харди развел руками, и на его лице впервые появилась искренняя человеческая эмоция крайнего сожаления. – Вот вы, например. Любая на вашем месте уже была бы на полпути в Дан-Лан, – проворчал он.

– На что вы и рассчитывали?

– Ну... – Лорд брезгливо отряхнулся от пыли. – Не без того. Видите ли, я не нуждаюсь в горничной.

– Но почему? Тут так грязно! – Возмущение мое осталось без ответа. – Я должна отработать год. Только после этого смогу вернуться.

– Ах да. Совсем забыл. Вас же ко мне сослали на исправительные работы? Думаю, что вы там натворили, можно не спрашивать. С вашим характером...

– А не надо врываться, когда женщина моется. – Я сжала щетку покрепче.

– Послушайте, – обиженно проговорил мужчина, – если хотите остаться, запомните: баловаться с магией опасно. И потом... Что у вас вместо волшебной палочки? Грязная щетка?

– Чем богаты, – проворчала я.

– Вы любопытный персонаж, госпожа горничная. Но это не отменяет моего первого вопроса: что вы тут делаете?

– А это... ваши комнаты? – внутри все похолодело.

– Это – гостевые покои.

– А вы?

– Что, простите?

– Что вы делали в гостевых покоях?

Мужчина смутился, и это придало уверенности, хотя если уж начистоту, то хозяин замка может разгуливать где ему вздумается и не обязан отчитываться.

– Почему вы предлагаете гостям чулан под лестницей? Вы хоть знаете, куда меня поселили?

– Не имею ни малейшего представления. Но даже если бы и знал – что с того? Вы – не гостья. Вы – горничная.

– Но я и не ваша пленница! Пойдемте!

– Куда?

– За мной!

После поисков инвентаря я уже неплохо ориентировалась в замке, так что решительно зашагала к чулану. Сейчас я тебе покажу! Гад. Хам!

– Что это? – спросил милорд Харди, разглядывая нашу с Буклей каморку.

– «Комната», куда меня заселили. Я понимаю: предполагалось, что я удеру. Быстро. Но. Этого не будет!

– А вы не слишком... самоуверенны?

– На том и держимся.

– Ладно, оставайтесь в гостевых покоях. И не благодарите за щедрость – отработаете.

Он развернулся, чтобы уйти.

– Милорд, – окликнула я его.

– Да?

Я бросилась следом, он резко развернулся, и... мы оказались слишком близко друг к другу.

Лорд был несколько старше, чем я предполагала. Едва заметный шрам над правой бровью. Волосы на висках тронуты сединой, но это лишь добавляло шарма. Подобные черты лица обычно называют «правильными» и «аристократическими». Тонкий нос. Поджатые губы. Сеть морщинок. Но самым привлекательным были глаза. Большие и... грустные.

– Вы что-то хотели сказать?

Он ухмыльнулся, и все очарование тут же скрылось под маской холодной язвительности.

– Да...

– И что же?

– Замок.

– Что с ним?

– Его нужно убрать.

– Ничего не имею против.

– Но... одного человека мало. И...

– Я в вас верю.

И он ушел, что-то весело насвистывая.

Гад. Хам.

Я стояла у входа в каморку, пытаюсь понять, что делать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.